
Сергей Рындин
Исчезнувшие тени
18+

Сергей Рындин

Исчезнувшие тени

«Автор»
2026

Рындин С.

Исчезнувшие тени / С. Рындин — «Автор», 2026

По всей Европе, одна за другой, таинственным образом исчезают молодые красивые девушки. Полиция не видит в происходящем закономерности, но когда похищения приобретают характер эпидемии, закрывать глаза на проблему больше не возможно. За дело берется эксперт Интерпола из России Денис Земцов. Вместе с напарником ему предстоит раскрыть запутанное преступление любой ценой, ведь среди похищенных Сильви Ален - талантливая ученая а по совместительству - любовь всей его жизни...

© Рындин С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 15
Глава 4 23
Глава 5 27
Глава 6 34
Глава 7 41
Глава 8 59
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Сергей Рындин
Исчезнувшие тени

Глава 1

Густой туман, еще с вечера плотной пеленой окутавший лесную дорогу, никак не хотел отступать.

Ноябрьское утро выдалось на редкость зябким.

Энтони Белфорд, которого все в округе звали Тони, вцепился в руль старенького пикапа и неотрывно следил за петляющей лесной дорогой.

Почти рассвело, и деревья в этот час окутала густая молочная дымка.

На пассажирском сидении, прислонившись к стеклу, дремала молодая миссис Мэри Белфорд, а на заднем — клевал носом их пятилетний сынишка Брюс. Перед поездкой мальчик пообещал, что не заснет в дороге, но сейчас то и дело ронял на грудь белобрысую голову. В руках он сжимал пластмассовый самолетик и безуспешно боролся с накатывающим сном.

В это утро семья Белфорд ехала по делам в Каннок.

Обычно по пятницам Энтони возил в городскую мясную лавку свежую свинину со своей фермы, в остальные же дни он оставался дома с семьей и занимался хозяйством.

Сегодня Тони решил взять жену и сына с собой.

Пару недель назад, как раз накануне своего пятого дня рождения, Белфорд-младший перенес осложнения после гриппа. Болезнь протекала тяжело, и его родителям пришлось вызвать из города доктора. Теперь же была отличная возможность отпраздновать первый «юбилей».

Погода была отвратительной, всю ночь моросил дождь, и Тони принял решение выехать пораньше. Старик Уоллес, хозяин мясной лавки, терпеть не мог, когда Тони опаздывал.

Дорожный знак указывал, что до города оставалось пятнадцать миль. Тони перевел взгляд назад, и холодок пробежал по его спине.

Его сынишка больше не спал, а округлившимися от ужаса глазами смотрел вперед и пытался что-то сказать.

«Папа», — выдохнул мальчик и указал дрожащей рукой на дорогу.

Почувствовав неладное, проснулась и Мэри Белфорд. Она открыла глаза, подняла голову и закричала.

Тони, вернувший внимание на дорогу, уже вовсю выжимал тормоза, пытаясь совладать с автомобилем.

Впереди, ярдах в двадцати, он увидел размытый силуэт, пересекавший проезжую часть.

Машина не слушалась руля на скользкой после дождя дороге и опасно виляла.

Таинственный силуэт стремительно приближался и в какой-то момент будто завис посреди проезжей части.

Пытаясь уйти от неизбежного столкновения, Тони резко вывернул руль влево. В последний момент машина пронеслась мимо размытого силуэта и полетела в кювет.

На долю секунды сидевшим в машине показалось, что на дороге осталась стоять одинокая девушка.

Страшно худая и бледная, в длинной изодранной серой футболке. Ее светлые волосы паклями падали на плечи и грудь, в уголках губ запеклась кровь.

Вся она была какой-то прозрачной и невесомой, словно парила в воздухе.

Семье Тони повезло, и их старый пикап влетел в густой ветвистый куст, росший в этом месте с незапамятных времен. Он и принял на себя основной удар, окончательно остановив автомобиль.

Тяжело дыша, Тони продолжал сидеть, по инерции схватив руль обеими руками.

Медленно повернув голову, он посмотрел на жену. Та явно пребывала в шоке. Наконец придя в себя, она с трудом выдавила:

— Что это было?

Тони оглянулся назад.

Брюс сидел, вцепившись в подлокотники детского сиденья, и не шевелился. Позади машины никого уже не было видно.

— Что это было, дорогой? — дрожащим голосом повторила Мэри.

— Не знаю, — хрипло протянул Тони, — может быть олень…? Я пойду гляну, хорошо?

Решительность понемногу возвращалась к нему. Тони отстегнул ремень безопасности и уже потянулся к дверной ручке, когда Мэри резким движением вцепилась ему в руку.

— Не ходи! Не надо! Давай, лучше уедем!

Тони вопросительно посмотрел на жену.

— Давай же, — настойчиво повторила Мэри.

— Я только посмотрю. Побудь с Брюсом, а я скоро.

Он старался говорить как можно спокойней, но Мэри все равно глядела с ужасом.

Открыв дверцу, Тони выбрался из автомобиля и вышел на дорогу.

Туман начинал понемногу рассеиваться. Мужчина сделал несколько шагов к тому месту, где еще пару минут назад все видели злополучный силуэт.

Дорога была пустынна. Тишина стояла мертвая, такая, что аж звенело в ушах! Лес казался безжизненным и враждебным.

Тони огляделся, но никого рядом не было.

Он простоял в нерешительности пару минут, а потом решил возвращаться к машине. Мэри и Брюс, наверное, места себе не находили.

«Должно быть привиделось», — подумал он и покачал головой.

Повернув к машине, Тони чуть не подпрыгнул на месте. Та девушка, которую они заметили на дороге несколькими минутами ранее, теперь стояла прямо перед ним.

Мертвенно бледная кожа, спутанные грязные волосы и печальные голубые глаза. Эта девушка как будто смотрела сквозь Тони.

Он почувствовал, как липкий страх оплетает сердце и не дает свободно дышать. Девушка рядом с ним напоминала призрака.

От страха он закрыл глаза и начал читать первую пришедшую на ум молитву:

— Отче наш, сущий на небесах, да святится имя Твое, да прийдет царствие Твое…

Когда он открыл глаза, девушка уже исчезла, словно ее и не было никогда.

Воздавая хвалу Всевышнему, Тони опрометью кинулся обратно.

Он спешно распахнул дверцу пикапа и натолкнулся на вопрошающий взгляд жены.

Мэри и Брюс во все глаза смотрели на него, терпеливо дожидаясь ответа.

— Наверно, это был олень… — неуверенно протянул он и забрался на водительское сидение.

— Мне показалось… — начала было Мэри, но муж резко оборвал ее.

— Это был олень, Мэри! Олень!

И он выразительно посмотрел на жену. Та лихорадочно кивнула и оглянулась на притихшего Брюса.

— Олень, сынок, ты слышал? Это был олень, — затараторила она, стараясь успокоить мальчика.

Тони сплюнул на землю, еще раз огляделся, а потом с силой захлопнув дверцу машины.

С минуту побуксовав в грязи, пикап все же выполз обратно на асфальт и, набирая скорость, помчался в сторону города.

Шум двигателя вскоре затих.

Неожиданно из чащи раздался душераздирающий, нечеловеческий вой. Он громким эхом прокатился по дороге и потерялся среди вековых деревьев.

Несколько секунд спустя вокруг вновь воцарилась гробовая тишина.

Глава 2

Несмотря на ранний час в кафе на заправке вблизи городка Уэндсберри было полно народа.

Только что подъехали два туристических автобуса. Гиды решили показать гостям из Китая руины старинного замка Ричмонд, расположенного неподалеку от этого места.

Помимо туристов в зале было полно семей с детьми, которые ехали из Бирмингема и Вулвергемптона на уикенд.

Двое несчастных кассиров и всего одна официантка едва справлялись с наплывом клиентов.

Майору Денису Земцову стоило немалых трудов, чтобы пробраться к кассе и заплатить за бензин и сандвичи, которые он решил взять в дорогу. Не помогали ни огромный рост, ни крепкое телосложение, справиться с морем галдящих туристов оказалось задачей не из легких.

Земцов забрал заказ, повернулся и понял, что предстоит еще обратный путь к дальнему угловому столику, за которым его дожидался славный представитель Скотленд-Ярда, инспектор Садхир.

Сделав полшага и наткнувшись на плотную стену людей, Земцов обреченно вздохнул. Свободной рукой, одетой в черную кожаную перчатку, он поправил бейсболку, прикрывавшую ежик коротких, местами поседевших волос, и голосом, больше походившим на корабельную сирену, что есть мочи рявкнул:

— Прошу прощения!

Толпа сразу притихла и расступилась, давая гиганту возможность пройти. Все перешептывались, а одна пожилая китайская пара даже тайком сфотографировала его на телефон.

Тяжелой поступью Земцов прошел к столику, за которым от души хохотал над происходящим Садхир.

***

Инспектор отдела убийств и тяжких преступлений Скотленд-Ярда Омар Садхир был совсем не похож на полицейского. Невысокого роста, щуплый, с веселыми озорными глазами на смуглом моложавом лице, он больше походил на студента нежели на отца семейства. Про таких еще говорят внушающий доверие.

Садхир словно гипнотизировал своих собеседников. Начальство быстро разглядело талант в этническом индусе и его направили в отдел разведки, специализировавшийся на внедрении в криминальные структуры, которыми кишели такие «замечательные» боро[1] Лондона, как Ламбет, Ньюэм и Хакни. Там традиционно орудовали кланы турецкой, албанской и южноазиатской мафии.

Во время одной из «командировок» Садхира раскрыли.

Он уже почти месяц пытался выйти на главаря пакистанской группировки, залившей низкопробным героином весь левый берег Темзы. Но подвела его, как это обычно бывает, случайность.

Братья из синдиката пасли его уже несколько дней. Кто-то слил им информацию о готовящемся рейде и о том, что в банде работает человек из полиции.

Теперь братья из синдиката следили за каждым шагом Садхира, и тот, почувствовав опасность, решил выйти на экстренную связь с начальством.

Садхир знал, что в зажигалке, подаренной ему одним из братьев, спрятан небольшой микрофон, поэтому действовать нужно было крайне осторожно: покружить с пару часов по

[1] Боро - внутригородской район, административная единица в Лондоне.

городу, сменить несколько маршрутов автобуса и метро, а главное не болтать ничего лишнего и постараться исчезнуть.

В качестве точки экстренной связи по плану операции был обозначен трансформаторный щиток в нише на углу Бэйлис и Вестминстер-Бридж. Там был спрятан дешевый кнопочный телефон с присоединенной дополнительной батареей и единственным забитым в него номером. Это был номер куратора Садхира.

Если с указанного телефона поступал сигнал, это означало провал Садхира и необходимость его экстренной эвакуации. В этом случае на Тотенхем-Корт высылался минивэн без опознавательных знаков, который и должен был забрать инспектора.

К тому времени Садхир успел подать сигнал бедствия и незаметно спрятать телефон обратно в тайник, но тут произошла та самая чистая случайность, которую предвидеть не мог никто.

Его узнала проходившая мимо женщина с девочкой, одноклассницей Мириши — дочери Садхира. Ничего не подозревая, она назвала Садхира его настоящим именем и передала привет от его дочери. В один момент женщина поставила под угрозу не только жизнь полицейского, но и свою собственную и своего ребенка.

Тщетно Садхир пытался внушить настойчивой даме, что она обозналась — было слишком поздно.

Увиденного и услышанного оказалось достаточно для того, чтобы братья из синдиката начали действовать.

Когда Садхир заметил, как из припаркованного поблизости седана вылезают несколько парней с пушками, ему только и оставалось, что крикнуть «ложись» и принять на себя несколько пуль, чтобы не пострадал никто из случайных прохожих.

Неделя в реанимации между жизнью и смертью, затем месяц реабилитации, и полицейскому все-таки удалось выкарабкаться.

На службу в новый отдел по расследованию убийств и тяжких преступлений он вышел с еще большей решимостью и желанием сделать этот мир чуточку лучше.

***

За три года службы консультантом в IRT[2] Земцов не встречал такого хорошего копа, как Садхир. Омар был ответственным и последовательным и при том всегда соблюдал инструкции.

— Ну, может наконец поведаешь, зачем ты прискакал сюда из своей Москвы, да еще и меня выдернул из отпуска? — иронично спросил Садхир, после того как Земцов поставил перед ним стаканчик с латте и сам приземлился напротив.

Лавируя между посетителями с искусством, достойным мотогонщика, к ним подбежала замученная официантка с подносом, выгрузила на столик две яичницы с беконом и, прежде чем ее успели поблагодарить, вновь скрылась в толпе.

— Ну так что, расскажешь? — напомнил Садхир, с аппетитом принимаясь за яичницу. — Шеф сказал, что это как-то связано с «Делом Теней» и просил напомнить, что на серьезные силы и ресурсы ты можешь не рассчитывать.

Садхир проглотил изрядный кусок яичницы и продолжил:

— Мое начальство считает, что дело глухое и искать нужно не в Англии, а на континенте.

Земцов не ответил. Он задумчиво вертел в пальцах кружку с горячим кофе и смотрел сквозь Садхира.

---

[2] IRT - Interpol Incident Response Team - оперативное экспертно-полицейское подразделение Интерпола по поддержке национальных органов правопорядка; время выдвижения на место происшествия в любую точку мира от 12 до 24 часов с момента поступления запроса.

***

Все началось чуть больше полугода назад в крохотном пригороде бельгийского Льежа-Бруке.

Ранним апрельским утром в третий полицейский участок, расположенный в доме номер пять на Руе ла Брук-Сите, вошел растерянный пожилой мужчина.

Нерешительно потоптавшись на пороге, он все же подошел к дежурному офицеру за стойкой и тихим голосом представился как месье де Форет.

Посетитель сказал, что у него важное сообщение и он хочет заявить об исчезновении своей дочери Алис де Форет.

У служителя правопорядка из Брука, гордо носившего фамилию Легранж, было стойкое убеждение, что до настоящего момента самым страшным преступлением на подведомственной ему территории считалась случившаяся в прошлом месяце кража велосипеда у местного почтальона. И, в связи с этим, «сенсационное» заявление месье де Форета не вызывало у того ни малейшего доверия.

Кроме того, Легранжу не понравился и потрепанный внешний вид визитера, которому, по мнению дежурного, не мешало бы хорошенько проспаться и перестать выдумывать байки об исчезновении дочери.

Полицейский тоскливо смотрел на часы, показывавшие без четверти восемь. До конца смены оставалось каких-то пятнадцать минут, и в душу Легранжа закрадывалось крамольное желание спровадить назойливого посетителя, предоставив его заботам второй смены.

Тем не менее осмелевший де Форет настаивал на том, чтобы заявление у него приняли незамедлительно.

В конце концов Легранж устало махнул рукой и согласился.

«Пусть начальство разбирается с этим чудиком», — подумал он и проводил де Форета к дежурному инспектору криминальной полиции по фамилии Дюпен.

Инспектор Дюпен был грузным мужчиной средних лет, страдавшим от бессонницы и бесконечных неурядиц в семейной жизни. Как раз в эти дни он болезненно переживал развод со своей второй супругой, намеревавшейся отобрать у него загородный дом.

В последующие полчаса злость на Легранжа сменилась у него на раздражение от сбивчивого рассказа де Форета. Мужчина поведал инспектору о том, что его дочь Алис, студентка факультета искусств Свободного Университета Брюсселя, пропала и несколько дней не выходила на связь.

Борясь с очередным приступом мигрени Дюпен выпроводил де Форета, все же приняв у того заявление об исчезновении дочери и пообещав всестороннюю помощь полиции.

Разумеется, Дюпен и не собирался заниматься делом де Форета, рассудив, что его дочь-студентка наверняка загуляла где-то в столице и рано или поздно объявится.

Прошло полторы недели. Заявление месье де Форета пылилось в верхнем ящике старого рабочего стола инспектора Дюпена. Оно бы и дальше пролежало так с десяток лет, если бы судьбе не было угодно другое…

В один прекрасный день у входа в третий полицейский участок Брука, визжа шинами, остановился темно-синий минивэн с мигалкой на крыше.

Под удивленными взглядами прохожих из машины быстрым шагом вышло несколько мужчин в строгих костюмах. С озабоченным видом они проследовали в отделение.

— Комиссар Бове, полиция Брюсселя, — буркнул главный из них дежурившему у стойки Легранжу.

Осведомившись, где можно найти инспектора Дюпена, делегация бесцеремонно проследовала в недра полицейского отделения, оставив ошарашенного Легранжа стоять за стойкой с открытым ртом.

Мгновение спустя гости из столицы гурьбой ввалились в маленький, пропахший табачным дымом кабинет Дюпена.

Комиссар Бове саркастическим взглядом окинул сие обиталище и остановился на его хозяине.

Дюпен, не подозревавший кто перед ним, с раздражением посмотрел на непрошенных гостей. Но после того, как комиссар Бове представился и изложил причину своего визита, у бесстрашного инспектора Дюпена затряслись поджилки.

Комиссара интересовало злосчастное заявление де Форета и причины, по которым местная полиция не дала ему хода.

Весть о том, что заявление не только не было проверено, но даже не было надлежащим образом зарегистрировано, привела комиссара Бове в ярость.

Пока Бове рычал на трясущегося Дюпена, суля ему всевозможные кары, один из спутников комиссара заботливо, точно ребенка, уложил заявление об исчезновении Алис де Форет в черную кожаную папку.

Оказалось, что с того момента, как Дюпен запер бумагу, полученную от де Форета в своем столе, в самых разных уголках Бельгии при загадочных обстоятельствах бесследно исчезли еще пятнадцать девушек.

Тревожные сообщения, среди которых оказалось и оперативное донесение из Брука, стали стекаться в министерство внутренних дел со всех концов королевства. Было принято соломоново решение сформировать следственную группу на базе Брюссельского комиссариата.

Полиция оказалась в замешательстве.

Всем пропавшим было от двадцати до тридцати пяти лет, и это, пожалуй, оказалось единственным, что их объединяло.

Как водится, в первую очередь проверили личные данные пропавших, их аккаунты в социальных сетях, связи и знакомства.

Ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Кардинально отличался род занятийпропавших девушек: от студентки Элен де Кресс из Брюсселя до доктора медицины из Брюгге Карины Тиль. Более того, проверка показала, что пропавшие никогда не общались между собой, и даже не имели общих знакомых.

Вскоре после триумфального появления в Бруке следственной группы комиссара Бове о таинственных исчезновениях девушек стало известно вездесущей прессе.

Хотя никаких достоверных доказательств связи между исчезновениями найти не удалось, таблоиды и газеты пестрили заголовками о появлении в королевстве таинственного маньяка, а каждый выпуск новостей начинался с репортажа о ходе расследования по делу «Крысолова», как кто-то из журналистов окрестил предполагаемого преступника.

В обществе начала нарастать истерия. Родители опасались отпускать дочерей одних на улицу, мужья запрещали женам покидать дома. Некоторые школы и университеты объявили внеплановые каникулы.

Общественность и политики клеймили полицию за беспомощность и неспособность взять ситуацию под контроль. Все чаще звучали призывы сформировать народные дружины и привлечь международное сообщество.

Полиция сбилась с ног.

По всей Бельгии были усилены патрули. Сотрудники круглые сутки проводили на улицах, пытаясь найти хоть какой-то след. Была углублена агентурная работа в преступном сообществе.

Сперва отрабатывали версию о новой группировке, занимающейся торговлей людьми. Однако от этой идеи вскоре отказались — агентура, работавшая в криминальном сообществе, передавала, что боссы преступного мира сами пребывают в замешательстве и считают сложившуюся ситуацию «весьма опасной».

Параллельно полиция пыталась найти таинственного маньяка. Была поднята информация на всех ранее осужденных за аналогичные преступления, а также психически больных, склонных к жестокости и садизму. Но и этот путь завел следствие в тупик.

А тем временем, словно в знак издевки над полицией, в стране бесследно пропали еще три девушки.

Поскольку преступления происходили в разных городах, было выдвинуто предположение о том, что преступник может быть, либо командировочным, либо коммивояжером, колесящим по стране.

Улицы городов круглосуточно патрулировали полицейские в штатском. В местах, где проживали, работали и учились жертвы, в надежде привлечь внимание преступника, специально работали подсадные женщины-офицеры. Для поисков привлекли даже армию. Но все безрезультатно.

Точнее, результат оказался самым неожиданным…

Похожие исчезновения в короткий промежуток времени произошли в районе Штутгарта в Германии, в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия, в департаменте Вогез на юге Франции.

В общей сложности с апреля по сентябрь по всей Европе пропало без малого тридцать девушек.

Тридцать первой в этом печальном списке стала двадцатидевятилетняя подданная Нидерландов Сильви ван ден Ален, след которой был утерян в Лондоне, куда она прибыла на международную конференцию по нейрофизиологии.

Славные наследники Шерлока Холмса с берегов Темзы, так же, как и их коллеги с континента, оказались бессильны.

Происходящее все больше напоминало эпидемию, и уже требовало совместных усилий полицейских органов разных стран. Помощь предлагало ФБР.

К решению ситуации подключился и Интерпол, направивший к местам происшествий своих лучших экспертов, в число которых входил и майор российской полиции Денис Земцов.

Так скромной студентке из Брука Алис де Форет суждено было стать отправной точкой в цепочке расследования, получившего в полиции кодовое название «Дело Теней».

Название это подходило в полной мере, ведь девушки действительно растворились в воздухе, словно тени в жаркий полдень.

***

Земцов сделал изрядный глоток кофе и потянулся к дорожной сумке, стоявшей на лавке.

Немного покопавшись, он извлек на поверхность планшет и, поскролив экран, положил его перед напарником.

— Я думаю, что у нас прекрасный шанс, — коротко прокомментировал он.

Садхир на полпути остановил вилку с кусочком бекона и недоверчиво посмотрел на Земцова. Затем отложил вилку, резко схватил планшет. Быстро пробежав глазами содержимое, он закашлялся.

— Ты это серьезно? — только и смог выдавить он.

— Вполне, — отозвался Земцов, — а что тебя, собственно, смущает?

— И ты еще спрашиваешь?! — воскликнул Садхир, ткнул пальцем в экран планшета и прочитал заголовок статьи в таблоиде «Distorting Mirror»[3]. — Студенты утверждают, что видели призрак в Каннок-Чейсском лесу.

Он покачал головой и осуждающе посмотрел на Земцова.

— Студенты видели призрак! И ты ухватился за этот бред?!

[3] Distorting mirror (англ.) – «Кривое Зеркало»

В статье «Distorting Mirror» говорилось о группе студентов, возвращавшихся на машине из Канока в Манчестер и повстречавших загадочную молодую женщину. Несмотря на холодную погоду, на женщине была лишь изодранная серая рубашка.

Парни хотели подойти к ней, но потеряли из виду.

По их словам, призрак молодой женщины просто растворился в воздухе.

— Ну и как это поможет нам выйти на преступника? — прямо спросил Садхир.

— Занимательная история, правда? — проигнорировав вопрос напарника, произнес Земцова.

— Ты шутишь? — начал выходить из себя обычно спокойный, как удав, Садхир. — Ты вытащил меня из Брайтона только из-за статьи в бульварном таблоиде?

Земцов отпил еще немного кофе и покачал головой:

— Отпуск в Брайтоне в середине ноября — сущий кошмар! Признайся, ты и сам был рад уехать. К тому же есть еще кое-что…

И с этими словами Земцов еще немного поковырялся в сумке и положил на стол объемную папку.

Оказалось, майор успел запросить Национальное бюро Великобритании[4] с просьбой разыскать и допросить студентов, повстречавших призрака.

Садхир недоверчиво раскрыл папку и принялся читать.

Согласно протоколу допроса, составленному неделю назад старшим инспектором Манчестерской уголовной полиции Лесли Аткенсом, студенты столкнулись с неизвестной женщиной около пяти часов утра.

Один из них, по имени Эндрю Вейд, бесхитростно сообщил, что они остановились по малой нужде. И когда Вейд отправился в ближайшие кусты, то заметил неподалеку ту самую незнакомку. Он попытался окликнуть ее, но она не отреагировала. Вскоре на крик приятеля подошли и остальные.

Всего студентов было четверо, и все в той или иной степени сходились в том, что встретили молодую женщину двадцати пяти — тридцати лет, белую, со светлыми распущенными волосами. По словам допрошенных, кожа девушки была мертвенно бледной, взгляд блуждающим. Более подробно описать незнакомку студенты не решались. Все четверо были едины во мнении, что в призрачном видении было что-то сверхъестественное.

На вопрос инспектора, что конкретно имеется в виду, последовал неожиданный ответ: «Это была покойница, сэр!»

Садхир дочитал протокол и вопросительно посмотрел на внимательно наблюдавшего за его реакцией Земцова.

— Ну, и…? Полиции ведь они рассказали почти то же самое, что и писакам из этого таблоида, — раздраженно бросил Садхир.

Земцов понимающе кивнул и разложил перед ним еще несколько бумаг.

Это были рапорты, составленные дорожной полицией.

Из рапортов следовало, что за последние две с лишним недели в органы правопорядка поступило без малого десять сообщений о таинственной молодой женщине.

Садхир озадаченно почесал затылок, а затем рассмеялся.

— Да ладно! Байка про призраков и детей с черными глазами из Каннок-Чейсского леса давно известна![5]

Отсмеявшись, он продолжил более миролюбиво:

---

[4] Национальное бюро Интерпола

[5] Одна из «городских легенд» Англии гласит, что после череды загадочных исчезновений в лесу Канок-Чейс графства Стафордшир в конце шестидесятых, очевидцы не раз сталкивались с таинственными призраками, принимавшими образ детей с черными глазами, не имевшими радужной оболочки. Полицейское расследование указанных событий результата не принесло.

— Дружище Дэни, если ты собрал все вырезки из бульварной прессы и заявления местных сумасшедших, чтобы притащить меня в дыру вроде Каннока, то вынужден тебя разочаровать — этого недостаточно для возобновления дела, над которым ломали головы добрая половина сотрудников Скотленд Ярда.

Садхир отпил немного кофе и продолжил.

— Я понимаю, к чему ты клонишь… Призрак из этих статей чертовски напоминает пропавшую ван ден Ален… Но пойми, что под такое описание подойдет кто угодно.

Земцов, все это время слушавший друга, поставил стаканчик кофе на стол и протянул с задумчивым видом:

— Садхир, я прекрасно осознаю, что шанс мизерный… что все это похоже на какой-то бред, но пойми, если есть хоть какая-то возможность положить конец «Делу Теней», мы должны им воспользоваться.

И с этими словами он положил на столик несколько фунтов чаевых, поднялся и перекинул через плечо дорожную сумку. Его примеру последовал и Садхир.

Майор, словно ледокол, прокладывал для них путь к выходу.

Наконец они добрались до машины. Садхир закурил тонкую сигарету. Выпустив из ноздрей струйку дыма, он с прищуром посмотрел на Земцова.

— Значит, ты всерьез считаешь, что это связано с «Делом…»?

Земцов неопределенно пожал плечами и бросил сумку на заднее сидение.

— Посмотрим, — протянул он, — в любом случае, без тебя я не справлюсь, я ведь здесь всего лишь консультант.

Садхир докурил сигарету и полез за руль, хотя водить не любил. Он помнил, что Земцов терпеть не может левостороннего движения.

Майор втиснулся на пассажирское сидение.

Садхир повернул ключ в зажигании и еще раз посмотрел на Земцова.

— Я понимаю, Дэни, «Дело Теней» много значит для тебя лично, но постарайся не испытывать больших надежд.

Земцов ничего не ответил, продолжая упрямо смотреть вперед.

Вздохнув, Садхир переключил передачу и начал выруливать с парковки.

В глубине души, как и любой коп, он лелеял надежду на то, что все пропавшие девушки еще могут быть спасены, хотя опыт и подсказывал ему обратное.

До Каннока было еще часа полтора езды. Земцов закрыл глаза и задремал. На него нахлынули воспоминания…

Глава 3

Они впервые встретились в конце марта…

…Земцов помнил, как утром двадцатого числа он был срочно командирован в штаб-квартиру Интерпола во французском Леоне.

Такие вызовы на службе были делом привычным. А потому в его московской квартире на проспекте Вернадского и в служебном кабинете в Казанском переулке всегда стояли два «тревожных» портпледа с одеждой и чемоданы со всем необходимым на случай экстренной командировки.

В свои тридцать шесть, имея за плечами десять лет службы в уголовном розыске, а затем и в военной полиции, Земцов жил один, без семьи и хоть какой-либо постоянной привязанности.

Специализировался он на особо тяжких преступлениях. Это как раз те случаи, когда дело приходилось иметь с настоящими безумцами, которые раз почувствовав вкус крови, уже не могли остановиться, и остановить их могла либо тюремная решетка, либо девятимиллиметровая пуля.

…Итак, в восемь часов утра двадцатого марта Земцов приземлился в Парижском аэропорту имени Шарля де Голя, а в половине одиннадцатого уже сидел в приемной, ожидая, когда его пригласят к вице-президенту и шефу направления IRT — Лоссалю де Каборне.

Гадая о цели вызова, Земцов озадаченно потер слегка небритую щеку и достал из внутреннего кармана пиджака сигарету.

— Простите, месье Земцофф, у нас не курят, — тут же ожил бдительный референт де Каборне по фамилии Ламарк.

Земцов усмехнулся, памятуя о пристрастии де Каборне к курению исключительно трубки без фильтра. Однажды после одного дела на Кубе он даже привез шефу IRT в подарок коробку отличных гаванских сигар, чем вызвал бурю негодования в свой адрес.

— Прошу прощения, я не буду, — ответил он, — это так… сила привычки.

С этими словами он вперил свой колючий взгляд в стену и стал ловко крутить сигарету пальцами правой руки, одетой в неизменную черную кожаную перчатку.

Так он делал всегда, когда пытался сосредоточить на чем-то свои мысли.

Ламарк некоторое время смотрел на черную перчатку. В Интерполе о Земцове достоверно знали две вещи: то, что он никогда не улыбается, и что он никогда не снимает перчатку с правой руки. Первое всегда списывали на издержки русского менталитета, а обсуждать второе почему-то считалось дурным тоном. Поэтому Ламарк просто пожал плечами и снова уткнулся в монитор стоящего перед ним компьютера.

Мысли Земцова прервал резкий порывистый голос де Каборне, прозвучавший из динамика коммутатора на столе Ламарка, приглашавший майора пройти в кабинет.

Земцов убрал сигарету, поднялся с кресла и решительным шагом проследовал во владения шефа IRT.

Лоссаль де Каборне принадлежал к так называемой старой школе французских ажанов[6].

Де Каборне, как и многие в профессии, начинал с самых низов, гоняя карманников по переулкам родного Дижона. Затем карьера его пошла в гору и к шестидесяти пяти годам он занял свое нынешнее кресло в штаб-квартире Интерпола.

Внешне де Каборне напоминал Земцову этакого седовласого коршуна. Всегда элегантный и подтянутый, в дорогом костюме с розеткой ордена Почетного легиона, он при ходьбе опирался на дорогую трость (сказывалось старое ранение, полученное еще в молодости от одного

[6] Ажанами во Франции традиционно называют полицейских.

карточного шулера, которым ему пришлось заниматься). Из-под толстых стекол очков на собеседника неизменно смотрели проницательные умные глаза человека, четко понимающего то, о чем он говорит и что хочет слышать в ответ.

Де Каборне был старожилой полиции, и Земцов, как и многие другие, был искренне убежден, что работать тот начинал никак не позднее эпохи правления Наполеона Третьего.

Все уважали де Каборне за преданность идеалам и принципиальность. В связи с неуемным желанием передать свои знания молодому поколению, де Каборне за глаза называли Апостолом.

Земцов плотно закрыл за собой дверь кабинета и быстро понял, что сегодня Апостол явно не в духе.

Табачный дым был таким густым, что хоть топор вешай. Сам же хозяин кабинета пыхтел трубкой, словно паровоз.

— Майор, вам известно, что такое «Pharma»[7]? — резко спросил он.

Земцов лишь пожал плечами.

— Не особенно, господин вице-президент… Судя по названию, это какая-то фармацевтическая компания?

Де Каборне перекинул трубку из одного уголка рта в другой, выдохнул в потолок очередную струйку дыма и пытливо посмотрел на вошедшего.

Жестом указав ему на кресло, вице-президент Интерпола продолжил.

— Не просто фармацевтическая компания, а один из гигантов отрасли, — он порылся на заваленном бумагами столе и протянул Земцову объемную папку, — вот, посмотрите.

Не успел Земцов открыть папку и ознакомиться с первой страницей, как де Каборне заговорил снова:

— Они занимаются всем. И я имею в виду не только таблетки, но и разработку новых лекарств, — он снова раскурил погасшую было трубку, — под Веной у этой корпорации целый комплекс лабораторий, и одному Богу известно, чем там занимаются.

Земцов озадаченно посмотрел на де Каборне. Тот, как ни в чем небывало, продолжил:

— Неделю назад в нейрофизиологической лаборатории «Pharma» пропал какой-то экспериментальный препарат.

Он снова стал рыться на своем столе. Не найди затерявшейся в ворохе бумаг подсказки, шеф IRT раздраженно произнес:

— Даже не буду пытаться воспроизвести рабочее название препарата! С уверенностью могу сказать, что лечит он точно не от несварения.

Земцов изобразил некое подобие кривой улыбки, но все еще непонимающе смотрел на де Каборне.

— Местная полиция ничего не раскопала, — сообщил тот, — и не удивительно, ведь следственную группу возглавил ваш старый знакомый. Сам старший инспектор Кунц! — шеф IRT не удержался от сарказма.

А Земцова при упоминании этой фамилии перекосило.

Старший инспектор Венской криминальной полиции Кунц относился к особой породе бездарных карьеристов, от которых, как известно, в сыскном ремесле, равно как и в любом другом, мало проку.

Полное отсутствие таланта с лихвой компенсировалось у Кунца карьерным чутьем и способностью, что называется «вовремя поставить на нужную лошадь». Именно так к двадцати восьми годам он уже дослужился до своей должности.

---

[7] Дословно переводится с немецкого, как Первая Фарма.

С Кунцем Земцову пришлось столкнуться в прошлом году, когда он помогал местной полиции разыскивать серийного убийцу молодых мужчин, орудовавшего в четырнадцатом районе Вены.

Впечатления от этой совместной работы со «светилом австрийской правоохранительной системы» у Земцова остались не самые радужные.

С самого начала Кунц умудрился совершить все мыслимые и немыслимые ошибки, ревностно отодвигая Земцова от следствия, всякий раз напоминая тому, что в этом деле он всего лишь консультант.

В результате, душегуба удалось остановить каким-то чудом. При задержании пытаясь скрыться от погони, подозреваемый упал и случайно свернул себе шею.

А де Каборне, тем временем, продолжал.

— Единственная здравая мысль, которая посетила этого олуха через неделю тщетных поисков, обратиться к нам за помощью. Он верно предположил, что скорее всего прототип препарата уже давно за границей.

С этими словам де Каборне потянулся к чашке давно остывшего кофе. Сделав глоток, он брезгливо поморщился и через коммутатор попросил Ламарка принести себе и Земцову свежего напитка.

Когда референт поставил перед ними чашки и удалился, шеф IRT задумчивым тоном, словно был не до конца уверен, сказал:

— Я хочу, чтобы вы, Дэни, незамедлительно вылетели в Вену, и разобрались там что к чему.

Земцов чуть не подавился.

Во-первых, де Каборне никогда не обращался к нему иначе, как по званию, а потому почти отеческое Дэни в его исполнении звучало почти угрожающе.

А во-вторых, Земцов никогда не занимался кражами, о чем и поспешил напомнить вице-президенту Интерпола.

Де Каборне чинно поднял вверх указательный палец.

— Я прекрасно знаю, что вы привыкли вытягивать на свет Божий таких мерзавцев, которых и людьми назвать язык не поворачивается, — он отложил трубку, — понимаю, и то, что на своем поприще вы весьма преуспели, хотя многие из подозреваемых, которыми вы занимались, погибли при загадочных обстоятельствах в ходе задержания…

Де Каборне с хитрым прищуром посмотрел на Земцова. Но тот и ухом не повел. Вздохнув, де Каборне задумчивым тоном добавил:

— Хотя, с другой стороны, все они заслуживали смерти.

Он несколько секунд думал о чем-то, а затем снова продолжил.

— Я хотел отправить вашего коллегу Контадино из Карабинерской полиции Италии. Это как раз по его части. Но Контадино заболел. Кажется, гриппом… А других свободных экспертов у меня под рукой нет.

Напрасно Земцов пытался протестовать, шеф IRT его и слушать не хотел.

В конце концов де Каборне в свойственной ему манере стукнул ребром ладони по столешнице и привел последний, самый веский аргумент:

— Я уже обо всем договорился с вашим шефом, генералом Пропьевым. Он дает добро.

Земцов так и остался сидеть с открытым ртом, а де Каборне тем временем указал ему на дверь.

— Билет на самолет получите у Ламарка.

С этими словами вице-президент Интерпола с головой скрылся за кипой бумаг, давая понять, что аудиенция окончена.

Земцов тогда и не подозревал, что через каких-то три часа его жизнь уже никогда не будет прежней.

***

Без четверти два пополудни того же дня Земцов спускался по трапу в международном аэропорту Вены Швекхат.

Оправдались его худшие предчувствия: у трапа, напоминая ручного мопса, маячила приземистая фигура старшего инспектора Кунца.

Не успел Земцов сойти на твердую землю, как тут же ему был оказан самый «радушный прием».

Вместо приветствия Фридрих Кунц торжественным тоном сообщил, что Национальное бюро Интерпола Австрии пересмотрело свою позицию, и в услугах Европола[8], а тем более Земцова более не нуждалось.

Кунц с торжественным видом объявил, что по стечению обстоятельств все счастливо разрешилось как раз тогда, когда Земцов находился в полете и до него просто не смогли дозвониться. Земцов понял, что если бы на то была воля Кунца, он бы незамедлительно затолкал его обратно в самолет и дал команду на взлет.

И тем не менее, вопреки протестам Кунца, Земцов связался с приемной де Каборне и попросил официального подтверждения отмены задания.

Секунду спустя в трубке задребезжал голос шефа IRT, подтвердившего, что австрийская сторона отозвала запрос о помощи, и Земцов может возвращаться в Москву любым рейсом хоть сегодня же, или на следующий день, по его усмотрению.

Земцов нутром чуял, что дело здесь нечисто и запросил разрешение все же проверить лично и побеседовать с ключевыми свидетелями. Ответа де Каборне он не разобрал из-за оглушительного рева взлетавшего поблизости самолета.

Решив, что формальное разрешение им получено, Земцов сообщил о своем намерении старшему инспектору и, не дожидаясь ответа, решительно направился к припаркованной полицейской машине.

Ошалевший от такой наглости Кунц, несколько мгновений стоял с открытым ртом, провожая взглядом могучую фигуру русского коллеги. Потом, словно очнувшись, он засеменил следом, выкрикивая что-то о превышении полномочий и жалобах начальству.

Напрасно старший инспектор распинался, Земцов уже кинул портплед в багажник и сам пытался забраться на заднее сиденье.

Всю дорогу до штаб-квартиры «Pharma» в пригороде Вены, расположенной на Винер Ноердорфе, Кунц не скрывал раздражения от происходящего, бухтел о неслыханном поведении Земцова и о том, что только из уважения к его званию, он не выкидывает представителя Интерпола из страны.

Такая реакция сперва немало позабавила Земцова, но под конец поездки Кунц стал реально его напрягать, потому как отвлекал от ознакомления с рапортом о ходе следствия.

Когда автомобиль наконец затормозил у центрального входа «Pharma», Земцов не выдержал и прикрикнул на старшего инспектора, чем вверг того в окончательный ступор.

Несколько минут спустя они уже сидели в креслах напротив герра Арно Штерценбаха — президента «Pharma».

Пока Кунц в свойственной ему манере рассыпался в витиеватых извинениях за то, что оторвал такого уважаемого человека от важных дел, Земцов по привычке внимательно изучал собеседника.

Арно Штерценбах был высоким, чуть полноватым мужчиной средних лет, одетым в элегантный костюм одного из всемирно известных брендов. На запястье у него красовались дорогие часы. Открытое лицо, обрамленное короткой окладистой бородкой, выражало уверенность

[8] Европейское подразделение Интерпола

и целеустремленность, а слегка капризный изгиб губ выдавал в нем человека, привыкшего к тому, что все в этом мире складывается так, как угодно ему одному.

Довершали портрет серые проницательные глаза, которыми Штерценбах снисходительно смотрел на извиняющегося Кунца.

«Чем-то похож на шмеля, — подытожил Земцов, — на первый взгляд нерасторопен, вальяжен, но в любой момент может ужалить так, что мало не покажется!»

После он огляделся. Кабинет был под стать своему хозяину — просторный и светлый, с окнами во всю стену. Массивный стол из ценной породы дерева, дорогие письменные принадлежности. На противоположной стене в красивых рамках висели фотографии, на которых Арно Штерценбах был запечетлен с сильными мира.

На одном из фото еще молодой господин Штерценбах стоял улыбающимся в мантии выпускника вместе со своими однокашниками на фоне старинного здания, в котором Земцов без труда признал один из колледжей Оксбриджа[9].

Чуть поодаль на полках и стеллажах расположились подобранные с большим вкусом произведения искусства: картины, иконы и статуэтки. Что-то подсказывало Земцову, что подделок среди этих шедевров не было.

Наконец он решил, что пора заканчивать бессмысленный бенефис Кунца и, не дав тому договорить, резко спросил:

— Вам доводилось бывать на Ближнем Востоке, герр Штерценбах?

Бедняга Кунц чуть не поперхнулся на полуслове, а хозяин «Pharma» перевел надменный взгляд на Земцова. Оценивающе осмотрев его с ног до головы, на мгновение задержав взгляд на знаменитой Земцовской черной перчатке, Штерценбах вопросительно посмотрел на старшего инспектора.

— Позвольте представить, — нехотя вздохнул Кунц, — майор Земцофф из Интерпола.

— Русский? — левая бровь Штерценбаха удивленно поползла вверх.

Земцов утвердительно кивнул и продолжил.

— Занятная вещица, — он поднялся с кресла и подошел к одному из стеллажей, указывая на старинную глиняную табличку с древними письменами, — можно? — спросил он и, не дожидаясь разрешения, взял артефакт в руки.

Пару мгновений повертев предмет в руках, он вернул его на место.

— Держу пари, что однажды видел точно такую же в коптской церкви Умм Эз-Зунар, что в Сирийском Хомсе… — задумчиво протянул он. — Правда, это случилось при не очень приятных обстоятельствах…

В глазах Штерценбаха на мгновение мелькнул гневный блеск.

— Да, господин майор, вы правы, я люблю путешествовать. К этому располагает мой род занятий. Однако вещь, на которую вы указали, я приобрел на аукционе в Лондоне, — твердо произнес он, и не один мускул не дрогнул на его лице.

Земцов довольно кивнул и вернулся в кресло.

— Позвольте несколько вопросов, — начал он, раскрывая папку с отчетом.

Но в их диалог вдруг вклинился Кунц.

— Нечего тут спрашивать. Вы, Земцофф, и так злоупотребили нашим гостеприимством.

Неожиданно на помощь майору пришел сам господин Штерценбах.

— Не стоит так волноваться, господин старший инспектор, — миролюбиво сказал он, — уверен, что смогу в полной мере удовлетворить любопытство Интерпола.

Земцов благодарно кивнул и обратился к отчету.

— О каком именно препарате идет речь? — спросил он спустя минуту молчания.

---

[9] Так в Великобритании и англоязычных странах называют учебные заведения, входящие во всемирно известные Оксфорд и Кембридж.

— Боюсь, что это единственный вопрос, на который я не вправе вам ответить, — расплылся в улыбке Штерценбах, — коммерческая тайна, видите ли… Но уверяю, это новейшее слово в лечении болезней органов зрения.

Земцов всем своим видом изобразил понимание и сделал пометку в развернутом на колене блокноте.

— Во сколько вы оцениваете стоимость вашей разработки на фармацевтическом рынке? — незамедлительно последовал следующий вопрос.

Президент «Pharma» на мгновение задумался.

— Точную цену назвать трудно. Препарат, пока, находится в стадии испытаний, — протянул он. — Но уверяю вас, что речь идет о сотнях миллионов долларов.

Земцов полистал отчет.

— Тут указано, что в день исчезновения прототипа, в здании были отключены камеры видеонаблюдения?

— Профилактика, — ввернул свои пять копеек Кунц.

— Какое совпадение, — хмыкнул Земцов, — еще один вопрос, господин Штерценбах. В отчете указано, что пропажу обнаружил директор лаборатории доктор ван ден Ален. Я бы хотел переговорить с доктором.

Штерценбах задумчиво потер рукой подбородок.

Кунц воспринял это как сигнал к действию и уже начал протестовать, однако Штерценбах прервал его поднятой вверх ладонью и попросил секретаря пригласить доктора ван ден Ален.

В ожидании ценного свидетеля Земцов почесал переносицу и тяжело вздохнул.

— Когда мы с уважаемым коллегой шли к вам, я видел вход в вашу лабораторию. Он защищен бронированной дверью, способной выдержать попадание стодвадцатимиллиметрового снаряда. Бьюсь об заклад, что сокровищницу Британской империи охраняют куда хуже. Поверьте, никто не убедит меня в том, что из вашего хранилища что-то может бесследно исчезнуть на целую неделю, а потом также неожиданно вернуться.

Ожил коммутатор на столе Штерценбаха, возвестивший о том, что доктор ожидает в приемной.

Дверь кабинета открылась, Земцов обернулся и оторопел.

Он ожидал увидеть престарелого ученого сухаря, а вместо этого перед ним предстала очаровательная миниатюрная девушка в белом халате поверх элегантного темно-синего делового костюма. На вид ей было не больше двадцати пяти. В наполнявших комнату лучах вечернего предзакатного солнца она выглядела словно волшебное видение.

Земцову показалось, что само небо поделилось яркой краской с этими бездонными голубыми глазами, которые с озорством и хитринкой смотрели на него. Ослепительные волосы цвета спелой пшеницы, подчеркивающие идеальные, словно у античной Афродиты, черты лица, были стянуты на затылке заколкой, издали напоминавшей карандаш.

Земцов встал ей на встречу. Блокнот, лежавший у него на коленях, шлепнулся на пол. Они одновременно опустились за ним, схватив руками с разных концов. Оба синхронно подняли голову, и их взгляды встретились.

Земцов был готов поспорить, что в этот момент ощутил легкое покалывание в груди, как бывает при легком разряде электрического тока.

Девушка слега смущенно и немного недоверчиво улыбалась, глядя на него с любопытством, и Земцову показалось, что еще немного и он утонет в ее глазах.

Неловкую паузу прервал герр Штерценбах.

— Доктор ван ден Ален, рад видеть вас! — провозгласил он. — С инспектором Кунцем из криминальной полиции вы уже знакомы. Позвольте представить майора Земцоффа из Интерпола. Он хотел задать вам несколько вопросов.

После этого он повернулся к Земцову.

— Господин майор, перед вами без преувеличения главная надежда мировой нейрофизиологии, графиня Сильви ван ден Ален.

После такого представления лицо доктора залил яркий румянец.

Очарованный Земцов хотел было открыть свой блокнот, но тут у Кунца как всегда некстати зазвонил телефон.

Инспеткор ответил и моментально изменился в лице.

Он только глупо улыбался, кивал и беспрестанно повторял: «есть!» и «так точно!».

Закончив разговор, Кунц победоносно взглянул на Земцова и провозгласил:

— Дамы и господа, наша с коллегой работа здесь завершена. Дело забирает особый отдел, а мы немедленно уезжаем, — он выразительно посмотрел на Земцова и вырвал у того из рук папку с отчетом.

Тирада Кунца означала лишь одно — расследованием заинтересовалась разведка. Вступать в прения со спецслужбами не хотелось даже Земцову, поэтому он нехотя признал, что его коллега из Венской полиции прав.

Доктор ван ден Ален вызвалась проводить гостей. На прощание Земцов пожал Штерценбаху руку и со словами благодарности откланялся.

Они вышли из приемной. Земцов последовал за доктором ва ден Ален, а старший инспектор Кунц посеменил за ними.

Всю дорогу майор искоса наблюдал за Сильви. Ему с трудом верилось, что в одном нежно-воздушном создании может быть столь редкое сочетание ума, таланта и природной красоты. Кроме всего прочего от девушки, как ему казалось, исходили невидимые, проникающие в самое сердце импульсы нежности и доброты.

Время от времени Сильви, чувствуя на себе пристальный взгляд полицейского, поворачивала голову в его сторону. Тогда Земцов резко отводил глаза, делая вид, что он сосредоточен на своих мыслях.

Получалось, видимо, не вполне убедительно, потому что проницательная доктор ван ден Ален только улыбалась своей обворожительной улыбкой и снова поворачивала голову вперед.

Земцов поймал себя на мысли, что ведет себя как школьник, тайком подглядывающий за понравившейся ему девчонкой.

«Нужно взять себя в руки, она свидетель, проходящий по этому делу», — мысленно убеждал себя Земцов.

Но в руки все не только не бралось, но и сыпалось со страшной скоростью. В одном месте майор споткнулся и чуть не растянулся на полу во весь свой огромный рост, в другом, пытаясь вежливо пропустить Сильви вперед, не втиснулся в поворот и зацепил плечом стену.

Понимая, что выглядит как слон в посудной лавке, Земцов проклинал себя за неуклюжесть, обострившуюся так некстати в самый не подходящий момент.

Они шли по длинной галерее к выходу. В воздухе витал терпкий, чуть сладковатый аромат духов Сильви. Земцов шел вперед и мечтал только об одном, чтобы этот коридор не заканчивался.

Наконец они вышли в просторный вестибюль и остановились, глядя друг на друга.

Присущие майору уверенность и профессиональная привычка контролировать ситуацию вмиг улетучились.

— Э-э-э… — начал он, глядя на Сильви сверху-вниз, — простите, доктор, я не очень владею фламандским.

Сильви в ответ звонко рассмеялась.

— А я вообще не говорю по-русски.

Земцов почувствовал, как участилось сердцебиение и вспотели ладони.

— Тогда перейдем на английский? Немецкий?

— Лучше английский, — ободряюще улыбнулась ему Сильви.

На заднем плане закашлялся старший инспектор Кунц, о котором эти двое уже успели позабыть.

Земцов извинился перед Сильви, деликатно, но настойчиво отвел инспектора в сторону.

— Дорогой старший инспектор, на вашем месте я бы уделил более пристальное внимание коллекции предметов господина Штерценбаха. Как минимум три вещи из увиденных мною сегодня числятся в каталогах розыска по линии Интерпола.

Кунц выпучил глаза. Довольный произведенным эффектом, Земцов продолжил:

— На вашем месте, коллега, я бы пригласил господина Штерценбаха в уютный кабинет МВД и задал несколько неприятных вопросов.

Дав понять, что в опеке он больше не нуждается, Земцов сообщил Кунцу, что до гостиницы доберется на такси, а в Москву вылетит завтра утром.

Пробурчав что-то в ответ, Кунц недоверчиво посмотрел на майора, учтиво кивнул Сильви и направился к выходу.

Когда стеклянные створки двери за инспектором закрылась, Земцов повернулся к Сильви.

Девушка смотрела на него, чуть склонив голову на бок. Стараясь убедить себя, что руководствуется он только интересами дела, Земцов проговорил:

— Доктор ван ден Ален, у меня остались еще кое-какие вопросы, — он запнулся, — не затруднит ли вас уделить мне немного времени сегодня вечером и ответить на них… кхм… в более приятной обстановке?

Сильви изобразила серьезное выражение лица:

— Вы же не приглашаете меня на свидание, господин Земцофф?

— Что вы! — протестующе замахал руками майор. — Только дело!

— Что ж, тогда с удовольствием! Но только при одном условии, — Сильви одарила его нежной улыбкой.

Земцов вопросительно посмотрел на нее.

— Перестаньте называть меня доктором, — рассмеялась она, и Денис согласно кивнул.

Договорились они встретиться у Венской оперы в половине седьмого.

***

Земцов ехал на такси в гостиницу «Амбасадор», где для него был забронирован номер.

Таксист, судя по всему турок, громко ругался на родном языке с кем-то по телефону, и то и дело отпускал брань в сторону других участников дорожного движения. Кроме того, в машине невыносимо орала восточная музыка. Но Земцов как будто ничего этого не замечал.

Перед глазами у него была обворожительная улыбка Сильви и ее прекрасные голубые глаза.

Впервые за многие годы майор улыбался сам себе искренней и теплой улыбкой.

Глава 4

Машина подпрыгнула на лежачем полицейском. Земцов стукнулся головой о потолок и окончательно проснулся.

Садхир в полголоса выругался на смеси хинди и английского и виновато посмотрел на друга, потиравшего макушку.

Майор посмотрел на часы.

Из Лондона они выехали прошлым вечером, и так выходило, что в дороге они провели всю ночь и добрую половину сегодняшнего дня.

Пока Садхир прокладывал им путь на север, Земцов прокручивал в памяти имевшиеся в его распоряжении скудные сведения о призраке из Каннок-Чейсского леса.

Садхир, как и положено прирожденному скептику, не разделял мотивации Земцова и считал поездку в Каннок пустой тратой времени. Но на его ворчание и недовольный взгляд Земцов совершенно не обращал внимания.

Одна существенная деталь не давала ему покоя, но он решил приберечь ее напоследок и обсудить уже в полиции Каннока.

— Ну, вот и приехали! — Садхир как раз выворачивал руль, съезжая на трассу А-460.

Дорожный знак провозглашал, что их приветствует Каннок — столица округа Каннок-Чейс.

***

Каннок — это один из самых милых и уютных городков Стаффордшира, да и всего Западного Средиземья.

С северо-восточной стороны Каннок примыкает к особо охраняемому природному парку — Каннок-Чейсскому лесу, а с юга его обходит полукругом автомобильная дорога М-6, идущая дальше на север, вплоть до самого Манчестера.

За без малого тысячу лет Каннок проделал долгий путь от крохотного поселения до вполне себе приличного города с населением почти в тридцать тысяч человек.

Пик экономического могущества города пришелся на эпоху великой индустриальной революции, когда расположенные поблизости угольные шахты стали давать множество новых рабочих мест, а торговля сырьем приносила немалый доход местным коммерсантам.

Теперь роль Каннока в экономике Великобритании стала менее значительной, и город в основном известен своими достопримечательностями.

Это знаменитый Грин Хаус (дом постройки начала XVIII века, в свое время принадлежавший сэру Роберту, четвертому баронету Фишеру), да небольшое немецкое военное кладбище.

Особо стоит упомянуть церковь в честь святого Луки, вот уже девять столетий гордо возвышающуюся на площади святого Иоанна. С ее колокольни открывается отличный вид на городи, и каждый уважающий себя турист просто обязан сделать с нее фото.

Немного покружив по узким переулкам, Садхир остановил машину у трехэтажного кирпичного дома номер пятнадцать по Вульвергемптон роуд.

Большой информационный стенд сообщал, что в этом неприметном здании располагается полицейское управление Каннока.

Земцов с трудом вылез из машины и с удовольствием потянулся.

— Пошли, здоровяк, — поторопил его выпрыгнувший из-за руля Садхир, — чем раньше начнем, тем раньше до тебя дойдет, что вся эта история не стоит и выеденного яйца.

Земцов смерил своего приятеля пронзительным взглядом, и Садхир счел за лучшее сменить тактику.

— Дэни, я понимаю, тебе это кажется отличным шансом найти ее, — он молча пожевал губами, — но ты ведь лучше меня знаешь, что девчонки, скорее всего, уже нет в живых….

Ничего не ответив, Земцов подхватил сумку с документами и решительным шагом направился к входу.

Садхир проводил его долгим взглядом и нехотя направился следом.

Изнутри полицейский участок Каннока ничем не отличался от обычного околотка, каких тысячи по всей Британии.

Выкрашенные в казенный серый цвет стены сразу навевали уныние. Входящий буквально с полушага упирался в массивную стойку дежурного констебля, служившую символическим барьером, отделявшим обычный мир от обители законности и правопорядка. Слева и справа от входа располагались лавки для посетителей, с виду больше напоминавшие эдакие прокрустовы ложа.

— Нам нужен суперинтендант Маклафлин, — сразу же сообщил Садхир, — шеф сказал, что ему поручено оказать нам всяческое содействие.

Земцову не раз приходилось иметь дело с шефом Садхира, командором Питером Амберкомби, высоким сорокалетним лысым детиной с испепеляющим взглядом.

В Скотленд Ярде за Амберкомби прочно закрепилось прозвище Свинец, потому как мало кто мог более пятнадцати секунд находиться рядом с ним без ущерба для собственного здоровья. Даже Земцову в его присутствии хотелось стать меньше ростом и поскорее исчезнуть.

Амберкомби был неплохим бобби[10], но напрочь лишенным элементарной фантазии. Сухой, как наждак, прямой, как лом, он резал правду матку каждому, от чего его дальнейшая карьера, как не раз повторял Садхир, была под большим вопросом.

«Всяческое содействие» в исполнении Амберкомби означало почти никакое. Добавить сюда недавнее упоминание Садхира о том, что «на большие ресурсы в этом деле можно не рассчитывать», и оптимизма у Земцова явно поубавилось.

Вслед за дежурным сержантом Земцов и Садхир долго петляли по лабиринту коридоров второго этажа, пока наконец не остановились у обшарпанной, явно знававшей лучшие времена двери с внушающей доверие табличкой, гласившей «Соблюдайте тишину, гений за работой!».

Они очутились в неожиданно уютном кабинете, больше напоминавшем чью-то квартиру, нежели рабочее место.

Стены были оклеены явно купленными за свой счет обоями теплых оттенков, на окнах висели белые занавески. В углу примостилась старомодная софа, над которой в большом количестве висели семейные фотографии в разноцветных рамках.

В следующую минуту из-за приземистого письменного стола поднялся хозяин кабинета, и Земцов оказался приятно удивлен.

Суперинтендант Руперт Маклафлин оказался жизнерадостным ирландцем пятидесяти лет. Невысокого роста, пухлый, с пивным животом, на котором с трудом сходились пуговицы его голубой рубашки.

Широкое открытое лицо обрамляла рыжая щетина, а веселые глаза смотрели с озорной хитрецой.

— Заходите, заходите, — замахал он рукой, после того как Садхир представился, — и располагайтесь!

Он с удивительным проворством развернул два стоявших у стола кресла лицом к софе и жестом предложил гостям садиться.

Отпустив дежурного сержанта, Маклафлин стал заваривать чай.

---

[10] Бобби – традиционное народное название полицейских в Великобритании, в честь сэра Роберта Пиля – премьер-министра, ставшего вдохновителем реформы правоохранительной системы Великобритании, благодаря которой британская полиция имеет свой нынешний вид и структуру.

— Пит звонил мне, сказал, что вы приедете, — сказал он, расставляя на журнальном столике чашки.

Земцов и Садхир переглянулись. Заметив это, Маклафлин счел необходимым пояснить.

— Это я о командоре Амберкомби, — рассмеялся он, — для меня- то он всегда будет Питом, — и с этими словами суперинтендант с улыбкой поднял глаза к потолку, — помню, как однажды мы вместе гоняли банды в пригороде Лидса… Тогда я прикрывал ему задницу.

Суперинтендант расхохотался, хихикнул и Садхир.

— Хотя вам, инспектор, наверное, лучше об этом не знать, — с напускной суровостью сказал Маклафлин, разливая чай, — ну, а вы, вероятно, наш охотник за призраками? — он перевел взгляд на Земцова и присвистнул. — Черт меня побери, с вами я бы не побоялся в одиночку идти на медведя! — и он, перевалившись через журнальный столик, одобрительно похлопал Земцова по плечу.

Майор ответил добродушному хозяину сдержанной улыбкой.

— Сегодня меня интересует вполне конкретный призрак.

Он коротко изложил Маклафлину свою теорию. Суперинтендант слушал сосредоточенно, не перебивая, время от времени кивая.

Когда Земцов умолк, он еще какое-то время сидел с полузакрытыми глазами, как бы переваривая услышанное.

— Пит говорил, что вы уверенны в том, что последняя «исчезнувшая тень» может быть у нас под носом, но поверьте мне… вряд ли это возможно.

Он поднял свое грузное тело и пошаркал к громоздкому шкафу. Поковырявшись там несколько секунд, он бросил перед Земцовым папку.

— Вот, прочтите.

Под пристальным взглядом Маклафлина, Земцов быстро пролистал содержимое.

Папка была полна рапортов о встречах очевидцев с самыми разными немыслимыми существами, какие только можно себе представить — и все в Каннок-Чейсском лесу.

Рапорты были датированы разными годами. Самый ранний — одня тысяча девятьсот шестьдесят седьмым годом. Самый последний — прошлогодний.

— Солидная подборка, — согласился Земцов.

— Надо ли уточнять, майор, что все это чушь собачья? — не скрывая иронии, спросил Маклафлин.

Он ловко выудил один из документов.

— Вот, полюбуйтесь. Год девяносто первый. Семья отправилась на прогулку и столкнулась с пожилой парой, заблудившейся в лесу. Когда их попытались вывести из леса, они, по словам заявителей, просто растворились в воздухе. Каково, а?

Он подцепил следующий рапорт.

— А вот еще интереснее! Восемьдесят седьмой. Школьники отправились в поход и увидели труп, повешенный на дереве. Кинулись за учителем, а когда тот подоспел, никаких трупов на дереве, конечно же, не было.

Земцов развел руками.

— О! А вот и мое любимое! Год две тысячи первый. Парочка решила уединиться в лесу. Только, так сказать, начали, как вдруг увидели, что с опушки за ними наблюдает монах в сутане. Парень хотел его прогнать, но тот просто исчез.

Маклафлин не сдерживал улыбки.

— За все годы в лесу была куча облав! Приезжали даже ученые! Но ничего, как вы понимаете, они не обнаружили.

— Вот и я ему про это твержу, — указал на друга Садхир.

Земцов поднял руку в черной перчатке.

— Здесь не хватает еще рапортов, — и с этими словами он извлек из своей сумки несколько бумаг, — ознакомьтесь. Это составлено по моему запросу. В вашей подборке, суперинтендант, ничего не говорится о призраке молодой женщины. Хронологически она впервые появилась только спустя месяц после исчезновения Сильви ван ден Ален.

Маклафлин пожал плечами.

— Ну и что? Мало ли сумасшедших? В лесу, да еще в густом тумане и не такое привидится!

Земцов понимающе кивнул.

— Согласен с вами. Поверьте, у нас в России на каждой уважающей себя деревенской дороге вы тоже встретите с дюжину призраков невест и белых дев, появлением которых, как правило, местные любят оправдывать дорожные аварии. Но смотрите, — он указал на рапорты, — отсюда следует, что призрак молодой женщины появляется только по пятницам. Весьма пунктуально, вы не находите?

Маклафлин хохотнул, посчитав это хорошей шуткой.

Земцов понял, что настало время вспомнить о той самой детали, которая не давала ему покоя все это время. Он отодвинул в сторону чашки и разложил бумаги на столе. Затем он поднялся, подошел к вешалке, достал из внутреннего кармана куртки сигарету, начал вертеть ее в пальцах и продолжил:

— В общей сложности показания об этом призраке дали пятнадцать человек. И все они описывают ее немного по-разному, что вполне нормально. Есть только одно! Все опрошенные сходятся в том, — Земцов постучал пальцем по бумагам, — что у той женщины голубые глаза.

Маклафлин и Садхир пожали плечами.

— Ну и что?

Земцов продолжал крутить в пальцах сигарету.

— По статистике лишь двадцать пять процентов свидетелей могут достоверно описать сведения, касающиеся внешнего вида человека, — напомнил он коллегам, — а у нас в одной детали — описании глаз жертвы — сходятся все сто процентов свидетелей… Поразительное единодушие, если речь идет о призраке, вы не находите?

Садхир махнул рукой.

— Кажется, ты гонишься за химерой, дружище.

Земцов не сдавался.

— Я не догадался сделать этого сразу, — сказал он виноватым тоном, — потому что не верил в такую удачу. Но убежден, что, если показать свидетелям фото Сильви ван ден Ален, они ее опознают.

Садхир и Маклафлин молча переглянулись, понимая, что в словах Земцова есть здравый смысл.

— Джентльмены, я предлагаю не затягивать и нанести визит семейству Белфорд на ферме Боилпит-хауз. Они видели призрак той женщины последними.

С этими словами Земцов резко поднялся, сгреб бумаги в сумку, натянул куртку и направился к выходу.

— Жду вас на улице, — бросил он, выходя за дверь.

Маклафлин озадачено смотрел вслед майору.

— И часто ваш друг такой? — повернулся он к Садхиру.

— Почти всегда, — ответил тот и тоже встал с кресла.

Глава 5

Перед тем, как покинуть свой номер в «Амбассадоре», Земцов решил разузнать побольше о докторе ван ден Ален.

Оказалось, что девушка действительно была светилом мировой науки. Интернет просто пестрил ссылками о ней.

Выяснилось, что Сильви не раз украшала обложки самых известных научных журналов. Кроме того, в сети было немало фотографий девушки, запечатленной на каких-то протокольных мероприятиях.

«Ничего, — в шутку думал Земцов, — я тоже украшал первую полосу, когда мы брали одного парня в Москве… правда, тогда я был в маске…»

На одном популярном ресурсе про доктора ван ден Ален имелась большая статья. С экрана планшета на майора смотрела улыбающаяся Сильви, получавшая из рук президента медицинской академии престижнейшую международную премию имени Гайрднера[11].

Как гласила все та же статья, доктор ван ден Ален окончила медицинский факультет университета Амстердама по кафедре нейрохирургии. Была лучшей на курсе. Стала чемпионкой студенческой лиги по лакроссу. А к окончанию университета уже имела шесть научных публикаций в видных медицинских изданиях.

Параллельно она училась в Делфтском технологическим институте, где в совершенстве освоила робототехнику и нано-технологические процессы.

В двадцать восемь Сильви ван ден Ален уже стала доктором наук, а к двадцати девяти и признанным лидером в клинической нейрофизиологии.

За доктора ван ден Ален в буквальном смысле сражались лучшие клиники и научные центры мира.

Карьеру Сильви начала в университетской клинике Амстердама, где и провела свою первую самостоятельную операцию. Затем работала во Франкфурте-на-Майне и в Цюрихе. Непродолжительное время стажировалась в США и Харбинском технологическим институте в Китае.

Наконец она осела в уже известной Земцову «Pharma».

В статье говорилось, что особый авторитет доктор ван ден Ален имеет в сфере разработки и внедрения нейтроботов — микроскопических медицинских роботов, способных преодолевать гематоинцефалический барьер и доставлять лекарства прямо к пораженным болезнью участкам внутренних органов. Считалось, что это будущее в лечении рака.

Половина слов в статье была Земцову незнакома, но он с завидным упорством продолжал читать.

Как оказалось, Сильви весьма преуспела в сфере кортикальной имплантации — лечении слепых, когда специальным протезом стимулируется затылочная часть коры головного мозга, что позволяет человеку видеть очертания предметов и некоторые образы.

Земцов потер переносицу. От обилия медицинских терминов и слов на латыни рябило в глазах.

«Кхм… а это что?» — Земцов прошел по очередной ссылке и озадаченно присвистнул.

Выяснилось, что Сильви являлась единственной дочерью графа Эриха ван ден Алена, кавалера ордена Нидерландского льва, до недавнего времени занимавшего должность министра просвещения в Королевском Кабинете. Граф ван ден Ален прославился своей неприми-

[11] Международная медицинская премия Гайрднера считается одной из наиболее престижных научных наград в сфере медицины. Обычно рассматривается как «пред-нобелевская» награда.

римой и жесткой анти-мигрантской риторикой, которая в итоге и стоила ему министерского кресла.

Также упоминалось, что граф ван ден Ален являлся известным американофилом и одним из наиболее видных лоббистов интересов американского бизнеса в Западной Европе.

Мать Сильви также оказалась весьма примечательной личностью. Агнесс ван ден Ален занималась благотворительностью и организовывала светские мероприятия и аукционы.

«Интересная семейка…» — подумал Земцов.

В кои-то веки его посетило желание прислушаться к совету Кунца и от греха подальше поскорее убраться домой.

Походив немного из одного конца комнаты в другой и повертев в пальцах привычную сигарету, Земцов остановился и несколько минут смотрел на свою руку в перчатке.

Он глубоко вздохнул и слегка содрогнулся от чувства переполнявшего его волнения.

Нужно было признать, к ван ден Ален он испытывал личный интерес и о деле думал в последнюю очередь.

***

Земцов шел привычным маршрутом по Кертнер-штрассе к зданию Венской оперы.

Ему не раз приходилось бывать в этом прекрасном городе по делам службы. Вена — мировая столица дипломатии, и Интерпол любил проводить здесь различные семинары и конференции для своих сотрудников, на которых присутствовал и Земцов.

Обычно в Вене после Рождественских каникул и до середины весны, что называется, мертвый сезон. Но в этом году конец марта выдался достаточно теплым, и столица Австрии уже была переполнена толпами вездесущих туристов. Одни шли осматривать собор святого Штефана, другие сворачивали в сторону Хофбурга — бывшей зимней резиденции австро-венгерских императоров.

Земцов остановился на углу Кругерштрассе. В первом этаже этого дома располагался магазин с прекрасной витриной во всю стену.

«Надо же, — подумал он, — а я и не знал, что здесь есть цветочный магазин!»

До встречи было еще почти десять минут, а идти оставалось всего ничего. Немного потоптавшись перед входом, Земцов вошел внутрь.

Звякнул дверной колокольчик.

Хозяин магазина — маленький старичок с видом типичного бюргера, поднял глаза от газеты и поздоровался, но сразу же осекся, с опаской осматривая внушительную фигуру Земцова.

Неожиданно его лицо просветлело.

— А я вас знаю! — воскликнул он.

Земцов оторопел.

— Вы иногда проходите мимо моего магазина, — старичок, шутя, погрозил пальцем.

Земцов усмехнулся про себя.

«Во истину традиции осведомителей австрийской тайной полиции в надежных руках!»

А старичок тем временем продолжал:

— Что вам угодно, господин? По какому случаю? Какой-то праздник? День рождения?

Майор виновато развел руками.

— А-а-а-а! — хозяин цветочного магазина расплылся в улыбке. — Хотите сделать сюрприз вашей даме?

Земцов кивнул. А флорист начал нахваливать свой товар, предлагая обратить внимание на прекрасные розы и восхитительные тюльпаны.

— Ну же, помогите мне! — призывал он. — Опишите ее, и я вам подскажу! Какая она, ваша избранница?

— Красивая… нежная…

На самом деле, он уже знал, что ему нужно! Хозяин магазина проследил за его взглядом.

— Отличный выбор! — одобрил он и поднес майору букет незабудок небесно-голубого цвета.

Земцов со всей осторожностью, на которую был способен, принял букет. Ему казалось, что эти цветы и есть олицетворение Сильви — такой же хрупкой и прекрасной.

***

В назначенное время Земцов остановился неподалеку от остановки трамвая Карлсплац.

Заметив девушку, он понял, что зря надел свой лучший костюм, ибо в этот самый момент мировая величина науки, молодая графиня… ловко спрыгнула с велосипеда. Была одета Сильви в джинсы и простую рубашку с подкатанными рукавами. На ногах у нее красовались голубые кроссовки, а через плечо был перекинут небольшой рюкзак.

Земцов был вынужден признать, что спортивный стиль идет девушке не меньше, чем строгий деловой.

Доктор ван ден Ален припарковала железного коня на ближайшей велосипедной стоянке и, застегнув замок на колесе, направилась к Земцову.

Вместо приветствия майор со смущенным видом протянул ей букет незабудок, тут же убрав за спину руку в перчатке.

— Они восхитительны! — девушка приняла нежный букет и прижала к лицу. Закрыв глаза, она вдохнула аромат цветов.

Затем Сильви с хитринкой посмотрела на Земцова.

— Господин полицейский, а вы всем допрашиваемым цветы дарите? — лукавым тоном спросила она.

Майор выдавил из себя некое подобие улыбки.

— Вынужден признать, что был с вами не совсем честен… — он замялся, не зная, что сказать.

Сильви сама пришла ему на помощь.

— Какой насыщенный цвет, — вымолвила она, рассматривая букет.

— Синий — цвет верности, — улыбнулся майор.

Сильви рассмеялась.

— О, да! Про язык цветов мне можете не говорить, я ведь из Голландии!

Земцов улыбнулся в ответ.

Несколько секунд они стояли, молча глядя друг на друга.

— Я заказал столик в Корнате[12].

Сильви слегка наморщила очаровательный носик.

— Если вы не противесть другое предложение… Надеюсь, вы не против хорошей музыки?

Спустя десять минут они уже входили в джаз-клуб «Джазлэнд», расположившийся в старинном подвальчике дома номер двадцать девять по Франц-Иосиф-кай.

Вдоль стен, увешанных ретро-постерами с известными исполнителями джаза из пятидесятых и шестидесятых, расположились столики с высокими барными стульями. В конце зала Земцов увидел сцену, на которой как раз выступал местный джаз-бэнд.

В клубе было полно народу.

Навстречу им вышел темнокожий парень лет тридцати пяти, в затемненных очках и с небольшой серьгой в ухе. Одет он был в баклажанового цвета пуловер и вельветовые брюки.

[12] Корнат – ресторан высокой кухни во Внутреннем городе Вены. Расположен на Марк-Аврелий штрассе, д.8

— Сильви, дорогая, чертовски рад тебя видеть! — они с девушкой обнялись как старые друзья. — Давненько ты не заходила! Небось, все копаешься в чужих мозгах в своей лаборатории? — пошутил он.

В ответ Сильви звонко рассмеялась.

— А это кто? — он повернулся к Земцову. — О-о-о, вот это костюмчик! — парень бесцеремонно подергал Земцова за галстук. — Никак секретная служба, а?

Он хитро подмигнул.

Земцов понял, что выглядит действительно по-дурацки для этого места и, ослабив ворот рубашки, снял галстук, спрятав его в карман пиджака.

— Знакомьтесь, — сказала Сильви, — это мой друг Дэнис Земцофф. Дэнис, это Барни — хозяин заведения.

Парень расплылся в улыбке и затряс огромную лапищу Земцова, похлопывая его по плечу так, словно они были знакомы сто лет.

Он проводил Сильви и Дениса за дальний столик.

— Давай возьму это, — он забрал у Сильви букет цветов, — поставлю в воду, — и добавил, прежде чем уйти, — приятного вечера, ребята! Сейчас к вам подойдут!

Затем он снова подмигнул Земцову.

— Будь острожен, Сильви бывает непредсказуема!

Земцов осклабился в ответ.

— Не обращай внимания, — прокомментировала Сильви, провожая взглядом спину удалявшегося хозяина «Джазлэнда», — я знаю Барни уже тысячу лет, и он всегда такой.

Полицейский тоже смотрел вслед расшаркивающемуся со всеми гостями «баклажановому пуловеру».

— Барни ведь не настоящее имя? — с улыбкой спросил он, повернувшись к Сильви.

— Понятия не имею, — беззаботно ответила девушка.

Следующие полтора часа они просто болтали обо всем на свете, в процессе беседы быстро перейдя на «ты».

Непринужденному разговору способствовала уютная обстановка, заказанное ими красное вино и закуски.

Если бы Земцов не знал, кто такая Сильви, он в жизни бы не сказал, что эта милая девушка, звонко смеющаяся над любой шуткой, на самом деле доктор-нейрофизиолог и наследница рода ван ден Ален.

С Сильви ему было просто и спокойно. Казалось, что они знакомы уже целую вечность.

Оказалось, что они оба любят путешествовать, обожают осень и предпочитают жаренную картошку тушенным помидорам.

— Видел бы ты глаза моих предков, — смеялась Сильви после очередного глотка вина, — когда в семнадцать лет я им заявила, что собираюсь работать за копейки на скорой! Это было нечто! Папа устроил такой скандал, а маме потом давали принять валерьянку!

Сильви закатилав глаза.

— Ну, я топнула ногой и ушла из дома. Жила некоторое время у подруги. Устроилась на станцию, потом снимала квартиру.

Сильви закрыла глаза, как будто припоминая подробности.

— Ой, я тебе такие истории со скорой расскажу, — рассмеялась она, но затем осеклась, — хотя, у тебя историй, наверное, не меньше.

— Это точно, — улыбнулся Земцов.

— В общем, — подытожила Сильви, — дома я в следующий раз появилась только после первого семестра в университете. Родители приняли меня прохладно.

Майор пригубил вина.

— А что они думают теперь?

— Теперь они рады, что есть дочь-ученный! Это отличая реклама для спонсоров на маминых благотворительных балах, — она наклонилась вперед и добавила с заговорщическим видом, — по секрету, терпеть их не могу!

Денис понимающе кивнул.

— У тебя-то с выбором профессии было проще?

— Как сказать, — Денис неопределенно махнул рукой, — мои тоже были не в восторге, когда в семье потомственных дипломатов завелся коп.

Он замолчал, а Сильви, понимая щекотливость вопроса, продолжила совсем о другом.

Их беседа лилась, легко и непринужденно, словно музыка из саксофона выступавшего на сцене солиста джаз-бэнда.

***

Они вышли из клуба уже за полночь. На улице заметно похолодало. Сильви зябко поежилась в одной рубашке, и Денис, недолго думая, накинул ей на плечи свой плащ.

— А ты? — спросила она.

Но Денис только отшутился.

— Я ведь русский.

Сильви не поняла шутки.

— И?

— Ну, ты ведь знаешь… Сибирь, мороз и все такое…

Девушка рассмеялась.

В плаще Дениса, обычно едва доходившем его хозяину до колена, Сильви просто тонула, как в большом одеяле.

Она укутала полами плаща букет незабудок.

— Может такси? — предложил Денис.

— Спасибо, но я лучше прогуляюсь, — Сильви хотела было снять плащ, — мне тут недалеко, а велосипед я заберу завтра.

Денис остановил ее жестом.

— Тогда позволь, я провожу. Ночной город, знаешь ли… Поддержка копа может быть не лишней, — и он подмигнул.

— Только если ты не замерзнешь.

— Веди! — решительно отозвался Денис.

Они неторопливо шли по набережной Дунайского канала. Людей и машин на улице почти не было.

Сильви снимала апартаменты недалеко от станции метро «Шотерринг». Оба думали о своем, вдыхая свежий прохладный воздух.

В какой-то момент Сильви остановилась, посмотрела на Дениса и совершенно серьезно спросила:

— Дэнис, а почему ты решил стать полицейским?

Он пожал плечами.

— Был один опыт…

— Поделишься?

— Что ж, если тебя это не шокирует, — они продолжили идти вперед.

***

Денис учился на последнем курсе университета, и его родители искренне полагали, что он станет юристом. Но тут Денис попал на обязательную для всех студентов-юристов стажировку в правоохранительных органах.

Вместо предлагаемых ему двух недель в Управлении, он выбрал стажировку в следственном отделе районной прокуратуры. И сперва эта работа не очень его и привлекала.

Кропотливый труд сыщика отличался от той романтики, что воспевали литература и кинематограф.

Настоящему детективу приходилось ежедневно, не поднимая головы заполнять кучу бумаг и строго следовать протоколу. Расследование, фактически, шло по методичке. Чуть отступишь от регламента, ошибешься в бумагах, и ни один суд их не примет. Всё — злодей может уйти безнаказанным, а дело направят на доследование. Еще и от начальства прилетит.

Первое, что поразило Дениса, это то братство и готовность прийти на помощь друг другу, которые царили в отделе. Во многом этому способствовал начальник практики Дениса — разбитной армянин, единственный из всего отдела пытавшийся бросить курить, для чего постоянно грыз семечки, пытаясь заменить ими сигареты.

Земцова приняли как родного, в шутку называли Молодым и общались с ним полностью на равных.

Это означало, что пахал он тоже на равных со всеми: не спал по ночам, мотался на личной машине по служебным делам и присутствовал на допросах жуликов, и тому подобное.

За две недели стажировки Денис быстро усвоил: на следствии нет места карьеризму. Тут нужно отдаваться делу целиком и полностью, иначе результата не будет.

И все больше и больше Земцов прикипал к этой работе.

Но один случай навсегда оставил отпечаток в его сознании и предопределил дальнейший путь.

Его стажировка подходила к концу, и все сотрудники собрались в кабинете начальника, чтобы это дело отметить.

Все похлопывали Дениса по плечу, хвалили за усердие и обещали место в кадровом резерве прокуратуры.

Но тут дверь кабинета открылась. На пороге стояла семья: отец, мать и девушка, младше самого Дениса. И на ней не было лица. Она стояла бледная и тихая и боялась поднять глаза на сотрудников отдела.

Оказалось, что родители привели ее подавать заявление об изнасиловании.

Девушке предстояла нелегкая процедура допроса, в ходе которого ей пришлось в деталях вспоминать весь ужас произошедшего с ней.

Пока она рассказывала, голос ее дрожал и срывался, и она то и дело всхлипывала, а следователь с непроницаемым лицом все спрашивал и вносил показания в протокол.

Родители, на которых больно было смотреть, все это время стояли за спинкой ее стула…

***

— Тогда я подумал, — сказал Денис, — как ей, бедной, должно быть, было тяжело рассказывать обо всем этом трем здоровым мужикам… В тот день я понял, чем должен заниматься, и что для этого нужно.

Он замолчал, а Сильви еще долго смотрела на него.

— Ты хороший парень, Дэнис.

Она поплотнее закуталась в его плащ и пошла вперед.

— А у нас в медицине, наоборот, учат поскорее забывать пациентов. Иначе можно сгореть. Просто не выдержать.

Денис понимающе кивнул и сказал:

— Проблема в том, что ошибки медиков, как правило, уже ничего не могут сказать, а наши ошибки — это искалеченные человеческие судьбы.

Сильви поддержала его.

— Поэтому я так и не могу, — она помедлила, — знаешь, почему я занялась своими исследованиями? В детстве у меня была слепая подруга. Я мечтала, чтобы она могла смотреть на мир также, как и я, видеть все его краски.

Денис широко улыбнулся.

— Да ты мечтательница!

— А что, если я скажу, что нам уже удалось изобрести роботов, программа которых позволяет видеть абсолютно все, что слышит человек?

Она увлеченно продолжила.

— Их можно выпить с водой, и они сами встроятся в мозг! Это позволит дать зрение даже тем, кто слеп от рождения! Представляешь?!

Но тут она осеклась.

— Ой, я не должна говорить об этом!

Она виновато посмотрела на Дениса, а тот рассмеялся.

— Мне можно! Тем более я все равно не поверю ни единому слову! Все это звучит как чистая фантастика!

Сильви с благодарностью посмотрела на него. Спустя несколько минут она остановилась.

— Вот и мой подъезд.

Они стояли, молча глядя друг на друга. Глаза Сильви были печальны. Она теребила кончиками пальцев незабудки, глядя на Дениса с какой-то необъяснимой надеждой и одновременно отчаянием. Затем не выдержав, потянулась на носочках и приблизилась к нему, осторожно коснулась его губ своими и тут же отпрянула.

— Прости… прости меня, Дэнис! Я не могу… — она виновато опустила голову. —Я ведь обручена. Я должна была сказать тебе сразу же… Прости…

Денис секунду молчал, глядя на нее, а затем выдавил, с трудом скрывая эмоции.

— Все в порядке, Сильви.

Она тяжело вздохнула и, вернув ему плащ, пошла к подъезду.

У самого порога, уже открыв дверь, Сильви вдруг обернулась и едва слышно сказала:

— Если бы мы встретились раньше...

Ее глаза были грустными. Она бережно прижимала к груди нежные незабудки и все никак не решалась попрощаться.

Глава 6

Каннок-Чейс — огромный лесной массив, раскинувшийся почти на двести миль от Каннока на юге до Милфорда на севере.

Идущая на восток от Каннока дорога А-460 фактически разрезает лес на две неравные части, в середине чащи переходя в Хеднессфорд-роуд, выводящую к маленькому городку Рагли, расположенному на восточной опушке.

Когда-то Каннок-Чейсский лес был непроходимой чащей, вызывавшей священный трепет и первобытный страх у местных жителей.

В наши дни лес уже неплохо освоен, и на его территории даже имеются два вполне приличных гольф-клуба и центр экстремального туризма Каннок-Эйп-Эдвенчер.

Однако в северной его части все еще остались неизученные участки с непроходимыми кустарниками и крутыми склонами, ведущими к ручьям с ледяной водой.

— Места тут восхитительные! — рассказывал Маклафлин сидевшему на пассажирском сидении Земцову.

Суперинтендант, как знаток здешних мест, сам предложил поехать на его машине.

— Тут неподалеку есть прекрасное озеро! Я часто беру своих на рыбалку, — с упоением вещал он.

Земцов лишь периодически из вежливости кивал, думая между тем о своем. По всему было видно, что Маклафлин любит рассказывать о своем семействе.

Земцову уже казалось, что он лично знаком с супругой шефа полиции — хохотушкой Мартой Маклафлин, суровой матушкой Маклафлин и раздолбаем-братцем Эдвином, проживавшими в Белфасте, а также с близнецами-подростками — сыновьями суперинтенданта.

—Знаете, майор, хорошо, что у вас нет детей, — с видом знатока вещал Маклафлин, — когда твоим сыновьям по четырнадцать — это, скажу я вам, то еще испытание!

Земцов неопределенно хмыкнул. Посчитав, что встретил единомышленника, Маклафлин продолжил философствовать.

— И чего это современной молодежи не живется, вот скажите мне? Странные они какие-то! Все время в этих своих гаджетах! Даже на улицу пинками не выгнать! — сетовал он на молодежь.

— Вы, я вижу, часто бываете в лесу? — осторожно спросил Земцов, пытаясь направить разговор в нужное ему русло.

— Частенько, это верно, — отозвалсяМаклафлин, — в основном выбираюсь с семьей воздухом подышать, да рыбу поудить.

Он на секунду замолчал.

— Служба у нас, видите ли, спокойная. Все друг друга знают, у всех общие знакомые и родственники, отсюда и с уровнем преступности полный ажур! Все чин чином! Количество преступлений стремится к нулю, а уровень раскрываемости — к ста процентам! — рассмеялся он, хлопнув себя свободной рукой по пухлой ляжке.

— А в лесу никогда ничего странного не замечали? — как бы невзначай поинтересовался Земцов.

По лицу Маклафлина скользнула едва заметная тень, не укрывшаяся от внимательного майора. Но суперинтендант тут же беззаботно рассмеялся.

— Что тут может быть необычного, сэр? — он повернулся к Земцову. — Разве что белка иногда шишку на голову уронит!

Земцов не очень-то поверил Маклафлину.

Во всяком случае, он решил, что попросит Садхира поднять всю сводку происшествий по графству Каннок-Чейс за последние полгода.

— Ну вот, теперь уже недалеко, — с облегчением выдохнул Маклафлин, сворачивая на проселочную дорогу.

Суперинтендант во всю крутил баранку, ловко прыгая на кочках.

От тряски, храпевший до этого на заднем сидении Садхир проснулся и пробубнил недовольным тоном:

— Ну что, приехали?

— Почти, инспектор, — отозвался Маклафлин.

Вскоре лес расступился, и машина выехала на большое поле. По правую сторону от дороги Земцов заметил огороженное низким забором пастбище, на котором мирно щипало траву стадо овец.

Пастушья собака, до этого спокойно дремавшая, едва заслышав автомобиль, подняла голову и настороженно проводила чужаков взглядом умных глаз.

Впереди виднелся большой амбар и загон для свиней, где валялись в грязи с десяток откормленных розовых хрюшек.

Чуть поодаль стоял и хозяйский дом — добротное двухэтажное сооружение с террасой и коричневой крышей в классическом английском стиле.

Все здесь было сделано на совесть, чувствовалась рука рачительного хозяина.

— Добро пожаловать на ферму Боилпит-хауз, — торжественно провозгласил Маклафлин.

Он подрулил к самому крыльцу дома и остановил машину.

Полицейские поднялись по ступенькам, и суперинтендант постучал в дверь.

Минуту спустя им открыла хозяйка, миссис Мэри Белфорд, женщина средних лет, в видавшем виды светло-синем домашнем платье. Она была довольно высокая, с жидкими светлыми волосами, стянутыми на затылке в конский хвост.

Вероятно, некогда она была первой красавицей округи. Однако теперь от былой красоты не осталось и следа. Покрасневшие глаза дамы, с залегшими под ними глубокими тенями, не внушили Земцову особого оптимизма.

Одно из двух: либо миссис Белфорд не спала пару недель, либо регулярно прикладывалась к бутылке. И исходившее от женщины амбре подсказывало, что второй вариант наиболее вероятен.

— Привет, Мэри! — весело начал Маклафлин, стягивая украшавшую его голову потертую кепку с эмблемой футбольного клуба «Спурс».

Миссис Белфорд, казалось, не разделяла веселья суперинтенданта.

Она окинула его блуждающим взглядом, словно видела впервые, и сухо выдавила из себя.

— Руперт…? Здравствуй. Как жизнь?

Земцов и Садхир, стоявшие чуть позади, недоуменно переглянулись. Обмен любезностями, между старыми друзьями тем временем продолжался.

Правда любезничал больше суперинтендант Маклафлин, успевший за минуту сказать про погоду, стрижку овец, прирост поголовья свиней на ферме и последние новости из Каннока.

Мэри Белфорд же при этом отвечала ему односложно, в духе «да», «нет» и «не знаю».

Наконец Маклафлин закончил пустую болтовню и, торжественно хлопнув в ладоши, провозгласил:

— Что же ты, Мэри, держишь гостей на улице? Может пригласишь нас войти?

Миссис Белфорд без особого энтузиазма пропустила полицейских внутрь.

Дом был типичной английской планировки. Вошедший попадал в длинный коридор, ведущий прямо на кухню. Справа была лестница на второй этаж, а по левую руку — гостиная, соединенная дополнительным переходом с кухней.

Из гостиной доносились звуки телевизора, кто-то из домочадцев смотрел запись вчерашнего выпуска шоу Грэма Нортона[13].

Мэри Белфорд проводила гостей в комнату.

Земцов отметил, что жилище ничем не напоминало пристанище типичных алкоголиков, или наркоманов с самого дна.

Гостиная, как и весь дом, была наполнена теплом и уютом. Очевидно, хозяева обустраивали свой дом с заботой и любовью. Старинная мебель и торшеры, которые органично сочеталась с современными новинками из масс-маркета и обои с витиеватыми узорами.

Панорамное окно во всю стену и доски паркета до недавнего времени, похоже, сверкали чистотой, но теперь покрылись пылью.

Посреди комнаты, на мохнатом ковре расположился длиннющий диван, на котором восседал глава семейства — Энтони Белфорд.

Чуть поодаль на ковре, повернувшись спиной к вошедшим, сидел их маленький сынишка и рисовал что-то цветными фломастерами в своем альбоме.

Садхир едва заметно толкнул Земцова локтем в бок и кивнул в сторону трюмо, на котором стояла пара стаканов и нескольку пустых бутылок виски. В воздухе витал терпкий запах алкоголя.

Земцов заметил, что пепельница на журнальном столике перед мужчиной была полна жеванных окурков.

— Привет, Тони! — жизнерадостно начал Маклафлин с порога. — Как жизнь, старина? Что-то ты не заходишь в «Висельник»?

Тони Белфорд повернул к гостям осоловелый взгляд карих глаз. Трехдневная щетина и помятый вид хозяина давали ясно понять, что страдает он, похоже тем же недугом, что и его супруга. Заострившиеся черты осунувшегося лица делали его похожим на хорька.

В ответ на приветствие суперинтенданта мистер Белфорд пробубнил что-то нечленораздельное и жестом пригласил гостей занять стоявшие справа от дивана кресла. В одно из них и приземлился разыгрывавший добродушного соседа Маклафлин.

Второе кресло, по негласной договоренности с Земцовым, занял Садхир. Сам майор остался стоять чуть в стороне, внимательно наблюдая за происходящим.

Миссис Белфорд села на краешек дивана подле мужа. Оба супруга с тревогой разглядывали непрошенных гостей.

А вот мальчик, казалось, не обращал на полицейских никакого внимания и продолжал водить фломастером по белому листу бумаги.

— Тони, Мэри, эти джентльмены прибыли из самого Лондона, — начал Маклафлин, подняв вверх указательный палец, — они из Скотленд Ярда и хотят задать вам несколько вопросов о том, кхм… что случилось на лесной дороге в прошлую пятницу.

— А что случилось в прошлую пятницу? — не очень-то любезно отозвался Тони.

Маклафлин продолжил.

— Расскажи, с чем вы столкнулись.

Мистер Белфорд посмотрел на собеседника мутным взглядом и выдавил.

— С оленем. С кем же еще?

Решив взять ситуацию в свои руки, к беседе подключился и Садхир.

— Говорят, на ночной дороге вам повстречалась девушка? — улыбнулся хозяину дома инспектор.

Земцов мысленно похвалил напарника.

«Молодец, намеренно исказил деталь о времени суток, ведь ему известно, что это было утром! Может, удастся подтолкнуть их к откровенности…»

---

[13] Грэм Нортон – британский теле и радио-ведущий, шоумен и комик.

Но супруги Белфорд никак не выдали своей осведомленности и не поправили Садхира, а лишь неопределенно пожали плечами.

Майор озадаченно потер переносицу, незаметно достал из внутреннего кармана сигарету и стал крутить ее в пальцах.

Садхир изобразил удивление.

— Как, разве вы не подавали заявления в полицию о том, что на лесной дороге вам повстречалась молодая женщина в ночной рубашке?

Неожиданно мистер Белфорд взорвался.

— Да мало ли что я там подавал! Показалось мне, — раздраженно бросил он, — в тумане и не такое привидится!

— Вот и я об этом твержу нашим гостям, — радушным тоном вклинился Маклафлин.

— Мы как раз собирались завтра поехать в город, извиниться и забрать заявление, — вымученно улыбнулась миссис Белфорд, — у полиции и без нас дел хватает.

«Надо же! А старина Маклафлин утверждает, что дел у него вообще нет!» — заметил Земцов.

Садхир озадаченно подергал мочку уха и взглянул на Земцова. Тот в ответ едва заметно кивнул.

— Красивая у вас ферма, мистер Белфорд, — Садхир решил подобраться с другого края, — и природа великолепная.

Тони настороженно посмотрел на него исподлобья.

— Правда, далековато от города, — беззаботным тоном продолжил инспектор, — не страшно вам тут жить на отшибе?

Тони пожал плечами.

— А чего бояться-то?

При этих словах миссис Белфорд слегка вздрогнула, что не укрылось от глаз внимательного инспектора.

Заметил это и Тони, тут же сказавший:

— Дорогая, предложи гостям чаю.

Не произнося ни слова, миссис Белфорд поднялась и как заводной робот отправилась на кухню.

Разговор явно не клеился, но Садхир не сдавался.

— Вы часто ездите в город? — спросил инспектор.

— А как же! — отозвался Белфорд. — Каждую пятницу… — и резко умолк.

— Сегодня как раз пятница, — как бы невзначай отметил Садхир.

— Ну и что? — не без раздражения ответилТони. — Завтра поедем.

Земцов вертел в пальцах сигарету. Даже профану было очевидно, что чета Белфорд что-то скрывает, но вывести их на чистую воду не так-то и просто.

Вернулась миссис Белфорд, поставила на журнальный столик поднос с пузатым чайником и глубокими чашками. Трясущимися руками она стала разливать ароматный напиток.

Садхир решил, что момент удачный и решил идти ва-банк. Из лежавшей на коленях папки он извлек фото Сильви ван ден Ален и продемонстрировал его Белфордам.

— Скажите, вам знакома эта девушка?

На фото Сильви смотрела прямо в объектив своими незабудковыми глазами, вьющиеся пшеничные волосы прикрывали плечи.

Увидев изображение, мистер Белфорд содрогнулся, а его супруга пролила, немного чая на столешницу.

— Впервые видим, — выдавил из себя Тони.

Пока Садхир тщетно пытался разговорить супругов Белфорд, Земцов переключил внимание на их сынишку, продолжавшего все это время что-то рисовать в альбоме.

На ковре вокруг него были, судя по всему, его любимые игрушки: солдатики, машинки и пластмассовый самолет.

Майор решил воспользоваться запрещенным приемом и, спрятав в карман сигарету, подошел к мальчику. Присев на корточки, он, как можно более миролюбивым тоном сказал.

— Привет! Меня зовут Дэни, а тебя?

Мальчонка не отзывался, тогда Земцов решил сменить тактику.

— Крутой самолет! — одобрил он, указывая на игрушку. — Можно?

Парнишка кивнул.

Майор повертел самолетик в руках.

— Вещь! — с напускным восхищением изрек он. — В детстве у меня был похожий, но этот определенно лучше!

Земцов аккуратно вернул игрушечный самолет на место. Мальчик заинтересованно смотрел на него. Кажется, контакт налаживался.

— Самолет мне папа подарил, — сообщил он, — а ты большой! Похож на мишку.

— Мне часто это говорят, — улыбнулся Земцов.

— Брюс, быстро иди сюда, — заволновалась его мать.

Но было уже поздно. Земцов успел заглянуть Брюсу через плечо.

На белоснежном листе детского альбома, в окружении деревьев мальчик изобразил человечка с длинными желтыми волосами и в треугольнике, издали напоминавшем женское платье. На лице у человечка яркими точками были нарисованы голубые глаза.

— Брюс, бегом ко мне, — настойчиво повторила миссис Белфорд.

Малец нехотя поднялся и пошел к матери, усевшись на диван.

Отступать было поздно, и Земцов поднял с пола альбом и последовал за мальчиком.

— Эту девушку вы видели тем утром в лесу? — спросил он, показывая мальчику рисунок.

— Я требую, чтобы вы немедленно прекратили этот допрос! — выпалил мистер Белфорд. — Оставьте ребенка в покое!

Опасаясь гнева родителей, Брюс уткнулся лицом в материнский рукав. Хрупкий контакт ускользал, и Земцов решил поднажать.

— Ты уже большой, Брюс! Понимаешь, эта девушка… она попала в беду, и ей сейчас должно быть очень страшно… С ней может случиться нечто очень нехорошее… А дома ее ждет семья. Ждут родители, которые очень переживают за нее.

Майор взял из рук Садхира фото Сильви.

— Посмотри хорошенько, это она?

Мальчик едва взглянул на фотографию и кивнул.

— Убирайтесь отсюда! — рявкнул мистер Белфорд, вскочив с дивана. — А ты, Брюс, иди наверх!

Формальных оснований продолжать допрос без согласия родителей полицейские не имели, поэтому Земцов и Садхир направились к выходу.

Следом за ними раскланявшись с хозяевами, вышел и Маклафлин.

— И что вы обо всем этом думаете? — озадаченно спросил он после того, как входная дверь за ними захлопнулась.

— Дело нечисто, — пожал плечами Садхир.

— Да ладно вам, джентльмены! — отмахнулся Маклафлин. — Не приняли же вы за чистую монету фантазии маленького ребенка?

— Фантазии, которые очень похожи на реально пропавшего человека, — уточнил Земцов.

Суперинтендант хмыкнул.

— Я же говорил вам, что легенд про Каннок-Чейсский лес целое море. Вот и ему кто-то рассказал о духах и призраках. Малец и впечатлился.

Садхир закурил сигарету и с прищуром посмотрел на Маклафлина.

— Все у вас так просто, господин суперинтендант, — он выдохнул струйку дыма, — но в жизни так не бывает.

Маклафлин перевел ошалелый взгляд с Садхира на Земцова, а затем, махнув рукой, отправился заводить машину.

— Ну, и как тебе? — поинтересовался Садхир, когда они остались одни.

— Милый домик, чудная семейка, — отозвался Земцов, — а если серьезно, то кто-то основательно промыл им мозги. Они запуганы до смерти.

— Да, я тоже заметил, — ответил Садхир и добавил чуть тише, — кстати, за нами кое-кто наблюдает, — и он кивнул в сторону дома.

Земцов едва заметно повернул голову. В окне второго этажа похожая на бледный призрак, стояла миссис Белфорд.

Земцов учтиво кивнул ей. Садхир продолжил.

— Увы, показаний пятилетнего мальчугана маловато для привлечения дополнительных сил к расследованию. Однако я обязательно сообщу об этом Амберкомби в отчете.

— Да… я тоже доложу… — задумчиво протянул Земцов. — Еще я бы хотел попросить поднять сводку происшествий по Каннок-Чейсу за последние полгода. Что-то я не разделяю благостного настроения нашего суперинтенданта о текущей ситуации в графстве.

— Вот-вот, — согласно закивал Садхир.

Он докурил сигарету и без особого энтузиазма спросил.

— Что дальше?

Земцов помолчал немного.

— Надо бы обязательно прокатиться к тому месту, где Белфорды видели Сильви, — он уже был уверен, что речь идет именно о ней, — и сделать это нужно как можно скорее, у меня дурное предчувствие.

— Давай завтра! — взмолился Садхир. — Мы в дороге уже почти два дня. К тому же смотри, начинает темнеть.

Как не хотелось Земцову поскорее ринуться на поиски Сильви, он был вынужден признать правоту своего друга.

Всю обратную дорогу до Каннока Маклафлин сетовал на разыгравшееся воображение Брюса Белфорда, периодически разбавляя речь дурацкими шутками и анекдотами.

В город они вернулись, когда уже окончательно стемнело.

Выведав у Маклафлина как добраться до гостиницы «Кэмбдон Гарден Инн», в которой у них были забронированы два номера, Земцов и Садхир попрощались с суперинтендантом и пересели в свою машину.

***

Постоялый двор «Кэмбдон Гарден Инн» располагался в старинном двухэтажном здании, постройки конца XIX века. На первом этаже находился паб «Тисовая аллея», а на втором — несколько небольших, но уютных номеров.

Хозяин гостиницы, мистер Кранберри, радушно предложил полицейским отужинать в пабе перед тем, как отправиться отдыхать.

Со стороны коренастый и широкоплечий Кранберри напоминал грустного отставного кузнеца. Он проводил гостей за столик и, приняв заказ, сразу же удалился на маленькую кухню.

Все в пабе было выдержано в классическом стиле, который очень импанировал Земцову.

В небольшом зале с огромным окном в темно-зеленой раме, выходившим на улицу, стояло несколько столов с удобными кожаными креслами. По правую сторону располагалась длинная барная стойка и высокие темные стулья.

В это время в пабе было многолюдно.

Земцов огляделся.

На стенах, обитых дубовыми досками, были развешаны картины и закрепленные на подставках макеты оружия, и охотничьи трофеи.

Один из больших портретов, висевший прямо по середине, и привлек внимание майора.

На портрете был изображен мужчина лет тридцати. В смокинге и галстуке-бабочке. На шее у него была атласная лента с овальным изображением руки в красной перчатке — официальным знаком британских баронетов. Уточненные аристократические черты лица, надменный взгляд и тонкие, слегка старомодные усики. Его внешность показалась Земцову смутно знакомой.

У майора было такое чувство, что он уже когда-то встречался с мужчиной, запечатленным на портрете. Вот только он никак не мог взять в толк, где и при каких обстоятельствах они виделись?

— Не скажите, кто это? — кивнул он на портрет, когда мистер Кранберри, расставлял перед ними тарелки со стейками и жаренными чипсами, а также пинты имбирного эля.

— О-о-о, это сэр Мортимер Фицалан — один из наиболее уважаемых членов нашего сообщества, — с благоговением произнес Кранберри, — его семья владеет здешними землями, как раз по соседству с Фишерами.

Когда экскурс в историю Каннок-Чейса завершился, и мистер Кранберри потопал к барной стойке, изрядно проголодавшиеся Земцов и Садхир накинулись на еду.

Наскоро поужинав, они обсудили итоги дня.

А итог был весьма неплохим! Впереди забрезжила слабым светом надежда.

Глава 7

В Российском национальном бюро Интерпола все без исключения заметили, что из последней командировки в Вену Земцов вернулся другим человеком.

Он и до этого был не особенно разговорчив и весел. Теперь же майор и вовсе ходил мрачнее тучи. Он будто не слышал адресованных ему приветствий со стороны коллег, мог запросто пройти мимо одного из своих товарищей, так, словно никогда его не видел. Более того, он стал рассеянным и начал забывать об элементарных вещах.

Никто и не догадывался, что причина происходящих с Земцовым метаморфоз крылась в глубоких переживаниях, которые он, по старой привычке, не выставлял на показ.

Денис никак не мог забыть о Сильви.

Ее нежный образ преследовал его каждый Божий день и не давал покоя.

В глубине души майор, который был совсем незлоблив, завидовал тому счастливчику, с которым была помолвлена Сильви.

Земцов понимал, что она предназначена другому и он зря изводит себя, но не думать о ней совсем не мог.

Не способствовала хорошему настроению и погода. Последние две недели в Москве не переставая шел дождь со снегом, превратив улицы в серое болото.

Долгое время он не мог набраться смелости и выйти на один из профилей Сильви в социальных сетях.

Наконец решившись, он кликнул заветную ссылку, однако тут же закрыл ее из-за нестерпимого укола в сердце: на аватарке девушка позировала, обняв руками букет тех самых незабудок, которые Земцов подарил ей на их первом и последнем свидании.

Он стремился верить в то, что этим фото она посылает ему тайное послание и дает понять, что помнит об их встрече и прощании.

Майор чувствовал, что падает в пропасть. Но пугало его не это, а то, что это падение несмотря на все неприятные эмоции доставляло ему своеобразное удовольствие.

Если бы майор страдал старым русским недугом, он давно бы попытался найти утешение в вине. Но у Земцова практически не было вредных привычек. Ему бы с головой уйти в работу, однако к несчастью, или наоборот, к счастью, помощь эксперта IRT нигде не требовалась. Земцову приходилось ежедневно заниматься рутинными бумагами: запросами на экстрадицию и объявлениями в международный розыск.

Прошло совсем немного времени, и модная щетина на его щеках превратилась в полноценную бороду. Взгляд красных от недосыпа глаз стал блуждающим. В коридорах Национального Бюро Интерпола все от него шарахались.

Терпеть этого дальше было нельзя и в конце концов за дело взялся знающий человек — начальник Земцова, генерал-майор Иван Михайлович Прокопьев, которого все с ласковым трепетом именовали Батей.

По манере вести расследование, а равно и простую непринужденную беседу, Прокопьев походил на старого хитрого лиса — мог долго и вальяжно ходить вокруг да около, усыпляя бдительность оппонента, но затем, в критический момент совершить немыслимый прыжок и спикировать на противника сверху в самый неожиданный миг.

В один прекрасный день Батя вызвал к себе Земцова.

Денис ввалился в кабинет начальника, словно мешок картошки.

Прокопьев как обычно сидел за большим дубовым столом, на котором царил образцовый порядок.

Генерал озадаченно оглядел подчиненного поверх очков и кивнул на один из стульев за длинным столом для совещаний.

Земцов плюхнулся на стул так, что тот затрещал под его большим весом. Вид у него был такой, словно он всю ночь спал одетым в шкафу.

Прокопьев попросил помощника принести им чаю с печеньем, снял очки, положив их в нагрудный карман, и подсел к Земцову на соседний стул.

Сперва он вежливо и почти что ласково попытался выяснить у майора, как он поживает, и что у него в жизни нового.

На все расспросы Земцов отмалчивался, давая неопределенные ответы.

Не добившись успеха, генерал Прокопьев стал проявлять настойчивость, затем стал требовать ответа, а потом плавно перешел к угрозам. Но все было без толку.

Чувствуя, что начинает терять самообладание, Иван Михайлович поднялся, быстрым шагом подошел к своему столу, надел для пущей солидности китель с наградными планками и блестящими генеральскими звездами и вернулся к Земцову с зеленой папкой в руках.

Земцов скользнул по папке недоверчивым взглядом.

— Ты, Денис, давеча подал рапорт, — генерал выудил из папки лист бумаги и потряс им перед носом Земцова.

Генерал снова натянул очки на нос и зачитал отрывок.

— Министру внутренних дел. Прошу содействовать моему переводу из Национального бюро Интерпола в структуры военной юстиции Министерства обороны и направлению меня в Сирийскую Арабскую Республику…

Прокопьев шарахнул рапорт на стол.

— Это что такое, я тебя спрашиваю?!

Земцов напрягся.

— Иван Михайлович, я прошу согласовать…

Но генерал не дал ему договорить. На глазах изумленного Земцова он разорвал рапорт на мелкие кусочки и с силой швырнул их на пол.

— Вот тебе перевод! — взорвался Прокопьев. — На следствии не сидится?

Прокопьев умолк, взглянул на руку Земцова в черной перчатке.

— Будем считать, что я этого не видел, — кивнул он на обрывки бумаги, давая Земцову понять, что спорить бесполезно.

Прокопьев встал, размашисто перекрестился на висевшую в красном углу икону, затем он снова сел рядом с майором и продолжил уже более спокойным тоном.

— Денис, я же вижу, что что-то происходит… Последние недели после Вены ты сам не свой.

Он вздохнул.

— Если дело в этой девушке, как ее… ван ден Ален…

Щеки Земцова вспыхнули, он резко вскочил из-за стола. Прокопьев жестом призвал его к спокойствию и тоже поднялся.

— Иван Михайлович, откуда…

Генерал снял очки, устало потер переносицу и выдержал минутную паузу.

— Мальчик мой, — начал он, глядя на Земцова снизу вверх, — я уже долго живу на этом свете и в состоянии отличить сердечные переживания от простой весенней хандры.

Майор слушал, опустив глаза и заложив руки за спину. Так нерадивые ученики слушают изречения мудрого учителя.

А Прокопьев тем временем продолжал.

— Мой тебе совет, Денис, возвращайся к нам, не теряй себя. Поверь, все наладится.

Он откашлялся, потянулся к чашке чая и отхлебнул немного горячего напитка.

— Нужно время…

— Не нужно, товарищ генерал, — ответил Земцов, — я уже все для себя решил, — и он с сожалением посмотрел на разорванный рапорт.

Прокопьев с задумчивым видом покрутил очки за дужку, затем перевел взгляд на майора.

— Думаю, я знаю, как отвлечь тебя. Для тебя есть задание.

Земцов настороженно посмотрел на своего начальника.

— Завтра утром вылетаешь во Франкфурт, а оттуда с пересадкой в Роттердам, — бескомпромиссным тоном продолжил генерал, — там в среду намечается протокольное мероприятие. С утра пораньше звонил Лоссаль, просил прислать тебя… Это как-то связано с операцией в Нигерии.

Разумеется, Земцов знал об операции Интерпола в Западной Африке, в ходе которой удалось освободить из рабства больше двухсот человек. Было задержано сорок семь подозреваемых, и операция стала одной из самых успешных для международной полиции за последние два года. Глава Интерпола по борьбе с организованной преступностью Тим Рэдфилд потом еще неделю светился от счастья по этому поводу. Большую роль в деле сыграли эксперты из Италии и России.

Земцов поморщился.

— Мих-а-а-а-л Иван-ы-ы-ы-ч… — раздосадовано протянул он. —Вы же знаете, я терпеть не могу протокольные рауты.

— Знаю, — отозвался Прокопьев, — а еще знаю, что тебе не повредит смена обстановки. Короче, там намечается что-то большое. Лоссаль сказал, что будет еще ди Маджио от итальянцев… Так что сам понимаешь.

Земцов все понимал.

Красавец примо-капитан карабинерской полиции Винченцо ди Маджио был без преувеличения звездой международной полиции. Высокий, статный, с безупречной белоснежной улыбкой на загорелом лице — он выступал своеобразным «лицом с обложки» для Интерпола. Добавляла колорита ему парадная форма — мундир образца XIX века с многочисленными медалями, сабля и шляпа с высоким разноцветным пером. Довершало реноме примо-капитана то, что он был просто легендарным бабником.

Если бы Земцов не знал, насколько отважно примо-капитан сражался с группировкой Сакра Корона Унита[14], то наверно посчитал, что тому прямая дорога в фотомодели, но уж точно не в полицию.

Земцов попробовал было протестовать, аргументируя тем, что сам он в операции в Западной Африке участия не принимал, и что ди Маджио и без него отлично поторгует лицом, однако вскоре понял, что понапрасну тратит время.

— Значит так, берешь парадку[15], заказываешь билет на самолет. Номер в гостинице тебе забронирован. Да, и еще одна деталь, — Прокопьев многозначительно взглянул на майора, — побрейся.

Земцов понял, что спорить бесполезно и счел за благо откланяться.

***

Ровно через сутки после достопамятной беседы с Прокопьевым Земцов выбрался из такси у входа на станцию метро Роттердам Централле.

Расплатившись с таксистом, майор с трудом размял затекшую спину (сказывался многочасовой перелет с пересадкой) и огляделся.

Роттердам был одним из немногих крупных городов в Европе, где ему до этого бывать не доводилось.

Он читал, что из-за ужасной нацистской бомбардировки, город был практически полностью стерт с лица земли. Поэтому старинных зданий почти не сохранилось. Все достоприме-

[14] Мафиозная группировка из южного региона Италии Апулия

[15] Парадная форма

чательности Роттердама были в основном новоделами, построенными с семидесятых по двухтысячные годы.

Справа от Земцова располагалось современное, похожее на взлетающий самолет, или устремленный в небо наконечник стрелы здание Роттердамского центрального вокзала, открытое в две тысячи четырнадцатом году. Привокзальная площадь кишела автомобилями, туристическими автобусами и толпами людей.

Старые вокзальные часы, бережно перенесенные на стеклянную стену нового вокзала, показывали без четверти три.

Земцов повернул голову. Слева возвышался небоскреб Миллениум Тауэр, в котором расположился отель «Матриотти». Это и была конечная цель путешествия. Сегодня вечером в конгресс-центре отеля должно было состояться то самое мероприятие, и здесь же для Земцова был забронирован номер.

Майор тяжело вздохнул и содрогнулся от одной мысли о предстоящем вечере.

Он всегда предпочитал оставаться незаметным, насколько это было возможно, принимая во внимание его огромные габариты. Участие же в протокольных мероприятиях предполагало нахождение в центре внимания. А еще это подразумевало любезности, расшаркивания с незнакомыми людьми и глупые, ничего не значащие улыбки. Земцов был твердо убежден в том, что сама структура его лица не располагает к улыбкам и непринужденной светской болтовне.

Тем не менее, на подобные рауты его время от времени приглашали.

Благодаря фактурной внешности и грозному виду майор был словно живым воплощением полицейской системы — большой и сильный, у одних вызывающий чувство опаски, у других — уважение.

Земцов с унылым видом оглядел небоскреб Миллениум Тауэр.

«Ну ладно, может хоть бесплатные закуски будут…» — вздохнул он и, перекинув через плечо кофр, направился внутрь.

Войдя в просторный вестибюль, Земцов уже хотел было подойти к приветливо улыбавшейся за стойкой регистрации девушке, как вдруг знакомый голос окликнул его.

— Синьоре маджоре! Бон джорно!

Земцов обернулся. Из-за столика лобби-бара ему махал рукой примо-капитан Винченцо ди Маджио.

Представитель славной карабинерской полиции расположился на удобном диванчике в компании какой-то смазливой девицы.

Меньше всего на свете Земцова сейчас тянуло на любезности, однако правила элементарной вежливости требовали подойти и поздороваться с коллегой.

Майор с виноватым видом кивнул девушке-администратору и нехотя поплелся в направлении лобби-бара. Винченцо вскочил ему навстречу и с присущей всем сицилийцам удвоенной энергией затряс руку Земцова, одновременно успевая похлопывать майора по плечу и как из пулемета осыпать приветствиями на смеси итальянского, английского и русского.

Немногочисленные посетители лобби-бара пребывали в полной уверенности, что на их глазах встретились два лучших приятеля, которые только недавно вместе пили пиво в пабе «Каапсе Мариа», что в доме номер пятьдесят два по Мауритсвег. Загвоздка была в том, что с примо-капитаном ди Маджио Земцов виделся от силы пару раз в жизни, да и то мельком.

— Синьоритта Элен, — обратился ди Маджио к сидящей на диване девице, — позвольте вам представить нашего Русского Медведя, — он принял как можно более солидный вид, — настоящую грозу преступности, майора Земцова.

Девица и ухом не повела. А ди Маджио все продолжал свое представление.

— Синьор маджоре, — он картинно поклонился Земцову, — позвольте представить вам любовь всей моей жизни… синьоритту Элен… — ди Маджио на мгновение замялся, — просто Элен!

Земцов учтиво поклонился и окинул «синьоритту» сомневающимся взглядом. Что-то ему подсказывало, что любовь всей своей жизни примо-капитан ди Маджио встретил не более двух часов назад где-нибудь в аэропорту Роттердама.

— Я хотел пригласить синьоритту на сегодняшнюю вечеринку, но, увы, наш старый Апостол заявил, что мы, словно монахи, должны идти туда только своей братией, — изобразил он досаду.

Земцова позабавило, что Винченцо назвал их мероприятие вечеринкой. Его уже давно подмывало узнать, зачем он сломя голову мчался в такую даль.

— А что, де Каборне уже здесь? — осведомился он.

— А как же! — ди Маджио неопределенно махнул рукой. — Только он у нас, как всегда, занят. Закрылся в своем люксе, никого не принимает. У него там какое-то собрание по видеосвязи с начальством.

Земцов усмехнулся. По правде сказать, он с трудом представлял Лоссаля, пользующегося видеосвязью. Все знали, что старик терпеть не мог технических новинок.

Будучи ярым адептом традиций, он полагал, что расследование нужно вести так, как его было принято вести еще во времена великого Видока[16]. Ему-то и кнопочный мобильный телефон с трудом удалось освоить. Однако, судя по всему, даже Лоссалю приходилось поспевать за стремительно набирающим обороты техническим прогрессом.

— Кстати, он просил дождаться тебя и передать приглашение на сегодняшнюю вечеринку, — ди Маджио протянул майору элегантный конверт.

Земцов минуту вертел конверт в руках. Потом извлек из него приглашение, отпечатанное на дорогой дизайнерской бумаге.

«Их сиятельства граф и графиня ван ден Ален имеют честь пригласить Вас на благотворительный вечер в конгресс-центре отеля «Матриотти». Все собранные средства будут направлены на борьбу с работорговлей в странах Африки. Начало в девятнадцать часов двадцать пятого апреля две тысячи девятнадцатого года. Номер Вашего столика — четыре. Форма одежды — парадная».

У Земцова зарябило в глазах.

«А вдруг там будет Сильви?» — была его первая мысль.

Он поднялся в забронированный для него номер, кинул кофр с парадной формой в кресло и не раздеваясь рухнул на кровать, жалобно скрипнувшую под его весом.

Майор долго лежал на спине, заложив руки за голову и задумчиво глядя в потолок.

Признаться, ему хотелось воочию узреть семейство ван ден Ален.

Когда уже начало смеркаться, а часы на большом плазменном телевизоре, закрепленном на противоположной стене, показывали половину седьмого, Земцов резко поднялся.

Он подошел к кофру, мирно покоившемуся в высоком кресле, и начал приводить в порядок парадную форму.

Без четверти семь он уже стоял перед большим зеркалом в коридоре своего номера, застегивая последнюю позолоченную пуговицу светло-серого кителя.

Перехватив китель на пояснице золотым парадным ремнем с начищенной до блеска гербовой пряжкой, майор расправил складки одежды и придирчиво оглядел себя.

Брюки были отглажены безукоризненно, туфли сверкали так, что в них можно было разглядеть собственное отражение. Китель сидел словно влитой. Казалось, что рукава могут вот-вот лопнуть на внушительных бицепсах. Вышитые золотом погоны и большие майорские звезды сверкали солнечным блеском.

---

[16] Эжен Франсуа Видок (1775-1857) – французский преступник, в последствии ставший одним из основоположников современной системы уголовного розыска.

На правой стороне груди Земцова был закреплен знак о высшем образовании. На левой стороне майор поправил единственную, но самую дорогую для себя награду — простой металлический крест ордена Мужества.

На голове у него была серая парадная фуражка с лакированным козырьком, которую Земцов, по старой традиции, носил слегка сдвинув на бок.

Оставшись довольным своим внешним видом, он кивнул своему отражению и натянул на левую руку белую парадную перчатку. Черную перчатку с правой руки он никогда не снимал. Зная об этом, начальство дозволяло ему такое отступление от уставной формы одежды.

Еще раз глубоко вздохнув, так, словно он собирался нырять на большую глубину, майор выключил свет и вышел из номера.

***

Без двух минут семь он вышел из лифта на втором этаже и проследовал по указателям к конгресс-центру.

В холле было пустынно, лишь пара официантов убирала с высоких столиков полупустые бокалы. Похоже, аперитив уже закончился, и все участники благотворительного вечера проследовали в банкетный зал.

У закрытой двери маячил примо-капитан ди Маджио в блестящей парадной форме. Он ходил взад-вперед, позвякивая многочисленными наградами, словно новогодняя елка украшениями. При этом ножны сабли бились о начищенный высокий сапог, издавая ритмичное постукивание, словно метроном.

Завидев Земцова ди Маджио кинулся к нему.

— Ну, слава Богу! А я уже начал нервничать. Апостола нет, тебя тоже нет… Уже и не знал, что думать… Все уже там, — он кивнул на дверь.

— Де Каборне еще не объявился? — удивленно вскинул брови Земцов.

Ди Маджио отрицательно помотал головой.

— Одному Богу известно, где носит нашего Апостола…

Довольный своим каламбуром, он рассмеялся. И тут же из-за угла показался шеф направления IRT.

Де Каборне как обычно был элегантен в темно-синем костюме из дорогой ткани, классическом галстуке с полосками типа «шлагбаум», неизменными тростью в руке и розеткой ордена почетного легиона в петлице.

Выглядел де Каборне озабоченным, если не сказать раздосадованным. Он поравнялся с полицейскими и, даже не удостоив их приветствием, направился к двери.

Земцов и ди Маджио недоуменно переглянулись и, словно почетный эскорт, поспешили за вице-президентом Интерпола.

Они вошли в огромный зал с высоким сводчатым потолком, увенчанным массивной люстрой с многочисленными хрустальными подвесками. Стены украшали огромные помпезные полотна на исторические темы. Казалось, что этот зал находится где-то в королевском замке, но уж точно не в гостинице.

В самом конце зала находилась большая сцена, которой могли позавидовать даже академические театры.

У сцены стояли столики для почетных гостей, за каждым из которых помещалось по восемь человек.

Вдоль правой стены расположился камерный оркестр. Все музыканты как на картинке были одеты в черные классические фраки и накрахмаленные рубашки.

У противоположной стены Земцов насчитал не менее пяти десятков официантов, более походивших на хорошо подготовленных военнослужащих — настолько те были подтянуты и готовы к действию.

Как раз в это время со сцены вещал пожилой седовласый мужчина среднего роста в дорогом смокинге. На его груди красовались ордена и медали. Чуть левее Земцов разглядел графские регалии.

«Не иначе граф ван ден Ален…» — промелькнуло в голове у Земцова.

По привычке майор во всех подробностях постарался изучить этого человека.

Эрих ван ден Ален, несмотря на солидный возраст, благодаря выправке и чуть надменной манере держать себя больше походил на кавалеристского ротмистра, нежели на отставного министра просвещения.

Говорил он резко, отрывисто, точно выкрикивал команды на плацу. Даже увидевшему его впервые становилось очевидно, что этот человек привык не просто командовать, но добиваться незамедлительного исполнения своих приказов. Земцов понял, что еще чуть-чуть и он не устоит перед искушением встать во фронт и начать ходить по залу строевым шагом.

Граф ван ден Ален с упоением рассказывал о тяготах голодной жизни в Африке, о несчастных людях, брошенных на произвол судьбы, и беззащитных перед лицом распоясавшихся головорезов. Одним словом, граф рассказывал о том, о чем сам, судя по всему, не имел ни малейшего представления.

Земцов перевел взгляд.

Чуть в стороне от графа на сцене стояла невысокая женщина в восхитительном бархатном платье.

«Должно быть мать Сильви…» — отметил про себя Земцов.

И правда, несмотря на возраст, госпожа графиня Агнесс ван ден Ален держалась гордо и уверенно. Красивое дорогое бархатное платье украшала массивная брошь, инкрустированная бриллиантами. Дополняли гарнитур такие же серьги и колье.

Земцов подметил, что от матери Сильви унаследовала свои необыкновенные незабудковые глаза и утонченные аристократические черты лица.

«Что ж, примерно так я все себе и представлял, — резюмировал он, — можно посидеть минут пятнадцать и под благовидным предлогом откланяться...»

В этот самый момент граф ван ден Ален разглядел вошедших.

—А вот и наши герои! — торжественно провозгласил он, указывая рукой на полицейских.

Все, включая музыкантов и официантов, разом обернулись в их сторону.

— Поприветствуем тех, кто ежедневно рискует жизнью, вступая в поединок с преступностью! — и граф ван ден Ален захлопал в ладоши.

Весь зал разразился аплодисментами. Оркестр словно по команде заиграл какую-то бравурную мелодию.

И точно на каком-то параде, де Каборне, Земцов и ди Маджио направились к своему столику.

Лоссаль шел чуть впереди подчиненных, погруженный в тяжелые мысли. Казалось, что он совсем не замечал происходящего кругом.

По левую руку от него, расточая по сторонам голливудские улыбки, шел ди Маджио, чувствовавший себя в этом зале словно рыба в воде.

С правой стороны шел Земцов. Не испытывая от происходящего ни малейшего удовольствия, он натянул маску безразличия, глядя перед собой в одну точку.

Наконец прохождение торжественным маршем завершилось, и редставители Интерпола приземлились за сервированный легкими закусками стол.

Вместе с ними занимали этот стол и трое каких-то джентльменов с сопровождавшими их дамами.

Предоставив соседей по столику заботам Лоссаля де Каборне и ди Маджио, Земцов окинул зал изучающим взглядом.

Было похоже, что в этом зале собрался весь цвет европейского общества. За соседними столами майор разглядел несколько крупных европейских чиновников и депутатов Европарламента.

Повсюду сверкали фамильные драгоценности, слышались разговоры в полголоса о политике и бизнесе. Казалось сам воздух в этом зале пронизан богатством и роскошью.

Земцов поймал себя на мысли о том, что имел мало общего с этим великолепным обществом, собственно, так же, как и само это блистательное общество имело мало общего с теми проблемами голодающей Африки, о которых распинался со сцены уже третий к ряду спикер.

И тут Земцова словно ударило электрическим током.

За соседним столиком он увидел знакомые до боли незабудковые глаза, смотревшие в упор на него.

Сильви была восхитительна. На ней было шелковое, переливающееся в ярком свете зеленое платье. Пшеничные волосы были собраны в простую, но элегантную прическу, украшенную небольшой диадемой с крупными изумрудами. В этом наряде доктор ван ден Ален походила на лесную нимфу, только что сошедшую с полотна художника эпохи Ренессанса.

«Действительно, лесная фея[17]…» — подумал взволнованный Земцов.

Девушка смущенно улыбнулась ему, а он просто смотрел на нее не в силах отвести глаз.

Сколько времени они так сидели, было трудно сказать.

В чувства Земцова привел сильный тычок в бок со стороны Лоссаля де Каборне. Опытный начальник IRT быстро заместил эту перестрелку глазами и счел за благо призвать майора к приличиям.

Спустя минут пятнадцать скучная говорильня наконец закончилась. Гости поднялись из-за своих столиков и, разбившись на небольшие группки, оживленно беседовали с бокалами вина и шампанского в руках.

Музыканты играли легкую музыку, стараясь создать непринужденную и располагающую обстановку.

Лоссаль и Земцов держались вместе, а вот ди Маджио, воспользовавшись благоприятным моментом, скрылся среди гостей. Чуть позже Земцов заметил его в компании двух очаровательных молодых дам. Примо-капитан, сыпал остротами и угощал своих новых спутниц шампанским.

А к де Каборне и Земцову тем временем не иссякал поток страждущих. Каждый считал своим долгом лично поприветствовать звезд международной полиции.

Лоссаль рассеянно жал руки подходившим гостям, отвечая на приветствия дежурными любезностями. Земцов же старался не отставать от шефа.

Наступил редкий момент затишья, и они с де Каборне остались вдвоем.

Майор решил задать вопрос, не дававший ему покоя весь вечер.

— Господин Лоссаль, почему вы попросили прислать на это мероприятие именно меня?

Лоссаль ошарашил его своим ответом.

— Мне, собственно, было все равно, кого пришлет Прокопьев. Он сам предложил вашу кандидатуру.

В следующее мгновение сердце Земцова забилось вдвое чаще. К ним в полном составе направлялось семейство ван ден Ален.

— Рад приветствовать вас, господин Лоссаль, — граф обменялся с вице-президентом Интерпола рукопожатием, — давно мы с вами не виделись. А это, по всей видимости, господин Земцофф? — он окинул майора слегка неприязненным взглядом, — Сильви говорила о вас…

И граф укоризненно посмотрел на притихшую дочь.

Земцов слегка наклонил голову вперед.

---

[17] Имя Сильви происходит от латинского Silva - лес

А граф уже обращался к жене.

— Дорогая, рекомендую вам. Самый талантливый из сыщиков старой школы месье Лоссаль из Интерпола и… господин Земцофф, — он еще раз смерил майора оценивающим взглядом.

— Ваши сиятельства, — учтиво склонился Земцов.

Графиня в ответ едва заметно кивнула, изобразив при этом натянутую улыбку. По всему было видно, что Земцов ей не слишком приятен, однако светские манеры требовали от нее старательно отыгрывать роль радушной хозяйки вечера.

Сильви смущенно прятала глаза, а знакомство все продолжалось.

— Господа, — без устали вещал Эрих ван ден Ален, — позвольте представить вам мистера Джорджа Хантера, основателя и генерального директора оружейной корпорации «Армс энд Армори».

Тут только Земцов обратил внимание, что за спиной у Сильви маячит какой-то тип в костюме, стоимость которого, по самым скромным прикидкам майора, тянул на пять тысяч долларов.

Практически отодвинув девушку в сторону, господин Хантер вышел на передний план.

Волевой подбородок, резкие, словно рубленные долотом черты лица, прическа, на которую ушла, наверное, целая банка геля для волос, и полное отсутствие манер — все выдавало в нем американца. Но самым примечательным были руки господина Хантера — холенные, наманикюренные, почти что женственные. Было очевидно, что их обладатель в своей жизни не поднимал ничего тяжелее пишущей авторучки.

А граф ван ден Ален продолжал давать господину Хантеру самые лестные рекомендации.

— В прошлом феврале мистер Хантер сделал нашей дочери предложение, — произнося это, граф почти что расстаял, — и Сильви ответила ему согласием.

Земцов пристально осматривал Хантера. Тот, в свою очередь, не обращал на майора никакого внимания, с акульей хваткой вцепившись в руку Лоссаля.

Быстро смекнув, кто тут главный, он вовсю обхаживал вице-президента Интерпола, предлагая на неделе рассмотреть образцы продукции «Армс энд Армори», которые наверняка будут интересны полиции.

Пока общее внимание было переключено на Хантера, Сильви едва заметно тронула Земцова за рукав. Майор повернулся к девушке. Та смотрела на него снизу вверх.

— Отличная партия, графиня, — сказал он нарочито громко и вежливо, — поздравляю вас.

Щеки Сильви покраснели.

Между тем, вокруг Земцова и Лоссаля образовался небольшой круг заинтересованных людей. Многие, видя хозяев вечера, останавливались, чтобы присоединиться к беседе.

Подтянулся и ди Маджио в сопровождении новых членов своего фан-клуба.

Одна из гостей — дама средних лет неожиданно воскликнула визгливым высоким голосом:

— Ах, полиция… преступления… Все это так интересно! Господа полицейские, расскажите какую-нибудь занимательную историю!

После этих слов Лоссаля перекосило. Не были в восторге и Земцов с ди Маджио.

Настойчивая дама уже персонально атаковала майора. И к ней присоединилось несколько единомышленников, среди которых оказалась и графиня Агнесс ван ден Ален:

— Ну же, господин полицейский, не кокетничайте… Поразите нас…

Сильви гневно посмотрела на свою мать.

Земцова удостоил вниманием даже сам господин Хантер. Надменно глядя на майора, словно видя перед собой какую-то диковинку, он дребезжащим голосом проговорил:

— Удивлен встретить представителя русской полиции. Расскажите нам, чем же вы живете?

Земцов в какой-то момент понял, что его рассматривают как медведя в зоопарке.

Сильви попыталась вмешаться.

— Господа, думаю не стоит донимать господина майора расспросами…

— Отчего же? — видно было, что Агнесс ван ден Ален не привыкла к тому, что ее требования не выполнялись сию минуту. — Нам всем интересно!

— Боюсь, это не так интересно, как кажется, — пришел на помощь Лоссаль.

— Просим! Просим! — раздавалось в ответ со всех сторон.

Земцов сверху оглядел все это собрание. От всех, кроме Сильви, Лоссаля и ди Маджио его воротило. И тем не менее он выдавил.

— Боюсь, мои истории могут прийтись не по вкусу их превосходительствам и уважаемым гостям.

— Глупости! — отрезал граф. — Просим самый запомнившийся вам случай!

Земцов вопросительно посмотрел на де Каборне. Тот едва заметно кивнул в ответ.

— Самый запомнившийся случай…? — протянул Земцов. — Что ж, господа, извольте…

И Земцов начал свой рассказ.

***

Пальмира — уникальный оазис цивилизации, более полутора тысяч лет назад созданный руками человека прямо посреди Сирийской пустыни.

Отсюда более двухсот километров до Дамаска и почти сто пятьдесят до крупнейшей реки Евфрат, пересекающей Турцию, Сирию и Ирак.

Некогда крупный торговый центр, в наши дни — музей под открытым небом. Уникальные памятники Пальмиры признаны достоянием человечества и включены в каталоги ЮНЕСКО.

На протяжении веков этот богатый город пытались завоевать римляне, персы и арамейцы.

Никто и подумать не мог, что в XXI веке город падет под ударами международных террористов.

На протяжении почти года бандиты истребляли местное население, разрушали величественные памятники древности и вывозили уникальные коллекции музеев. Немудрено, что мировой черный рынок объектов культурного наследия буквально наводнили краденные предметы, вывезенные из Пальмиры.

Лишь в две тысячи шестнадцатом году при поддержке России сирийским правительственным войскам удалось отбить Пальмиру у бандитов.

Масштаб открывшегося бедствия поражал. Почти треть всех объектов культурного наследия в городе-музее была утрачена, а мирное население практически полностью уничтожено.

Земцов в то время служил в военной юстиции, в главном военном следственном управлении.

Туда он перевелся из дорогого его сердцу Московского уголовного розыска по настоянию родителей, которые никак не хотели мириться с тем, что сын губит блестящую карьеру юриста.

В итоге они приняли решение Дениса связать свою жизнь с таким нелегким ремеслом, как борьба с преступностью, но взамен предложили компромиссный вариант — перевод в главное военное следственное управление, где заместителем начальника служил старый друг отца Дениса.

После долгих уговоров и скандалов Денис согласился, но, как он выразился, «только, чтобы попробовать».

Увы, он и тут умудрился насолить родителям.

Узнав, что в Сирийской Арабской Республике нашим военным необходимы следователи с опытом раскрытия преступлений международных террористов, совершенных в отношении мирного населения, Земцов твердо решил требовать командировки.

При первой подвернувшейся возможности он подал рапорт командованию.

Как ни чинили ему препоны при участии высокопоставленных родственников, все равно в штабе нашлась добрая душа, согласовавшая отправку Земцова в Сирию.

Одним жарким апрельским вечером армейский внедорожник высадил Земцова у палаточного лагеря российской военной полиции, расположившейся вблизи Сирийского городка, название которого Земцов никому никогда по понятным причинам не называл.

Шофер — младший сержант, представился Колей Трофимовым. Веснушки на лице Коли были видны даже под бронзовым загаром. Выяснилось, что он родом из-под Рязани и всю дорогу от аэродрома сержант рассказывал о родных местах, о доме, о своем училище, о беременной первенцем молодой жене, которая ждет его.

Земцов слушал внимательно, при этом оглядывая невеселый пейзаж вокруг — красноватые песчаные дюны и небольшие разрушенные войной поселения с двух и трехэтажными домиками.

Изредка на встречу им попадались пикапы и машины местных. В основном же встречались группы беженцев, возвращавшихся в свои дома после завершения активных боевых действий.

По пустынной дороге, глотая клубы пыли шли одетые в рванину старики и женщины. Многие несли прямо на себе нехитрый уцелевший скарб. Сопровождали их истощенные дети, голодными глазами провожавшие военный автомобиль.

Не выдержав, Земцов приказал остановиться, когда они поравнялись с очередной колонной беженцев.

Младший сержант попытался робко протестовать, однако, поняв, что это бессмысленно, нехотя остановил машину.

Выбравшись из внедорожника, Земцов вытащил из сумки весь полученный на несколько дней вперед сух-паек и раздал его детям, которые тут же накинулись на еду.

Вскоре он понял свою ошибку. Не прошло и десяти секунд, как их с сержантом окружила толпа голодных, оборванных людей, каждый из которых что-то кричал на непонятном языке и требовал еды.

Военным пришлось буквально прорываться к машине, жестами объясняя, что больше они дать ничего не могут.

С трудом выехав из этого оцепления, Коля укоризненно посмотрел на Земцова, и тот виновато развел руками.

Дальше они ехали молча.

Вдруг шофер удивленно присвистнул:

— Надо же, выставили пост! А еще вчера его не было.

Земцов пригляделся. Метрах в ста впереди он разглядел белый внедорожник, перегородивший дорогу и группу людей в камуфляже с автоматами.

— Странно… — озадачено протянул Коля.

Земцов заметил, как шофер положил на колени автомат, до этого лежавший на заднем сидении.

Решив впредь следовать примеру опытного шофера, по крайней мере до тех пор, пока сам не научится правильно себя вести, Земцов тоже извлек из кобуры пистолет и передернул затвор.

Завидев приближающийся военный внедорожник, обитатели импровизированного поста заметно оживились.

Двое прыгнули в кузов пикапа и развернули станковый пулемет, третий, судя по всему, главный, перебросил на грудь висевший за спиной автомат и замахал рукой, приказывая остановиться.

Коля начал было сбрасывать скорость, но в какой-то момент снова ударил по газам.

Бронированный военный автомобиль просто снес белый внедорожник.

— Бандиты! — крикнул сержант.

В следующей момент Земцов услышал странный стук, словно о борта машины стучали камушки. То были пули, выпущенные в их сторону боевиками.

Коля, как ни в чем небывало, крутил баранку и тяжелая машина слушалась так, словно он на самом деле управлял велосипедом.

Вскоре все стихло.

Земцов с уважением посмотрел на шофера.

— Как догадался про бандитов? — спросил он.

Сержант пожал плечами.

— Ботинки и рация у главного американские. Местные таких не носят. Может быть, конечно, ополчение… но рисковать не надо. Доберемся до места, доложу.

Земцов кивнул, а сам подумал, что ему еще учиться и учиться у здешних ребят.

До лагеря они добрались, когда уже начало темнеть.

На прощание и в знак признательности Земцов подарил младшему сержанту сувенир — зажигалку в виде патрона к автомату Калашникова, которую парень принял с детской благодарностью.

Затем он спросил у дежурного, как пройти в штаб к командиру группы — майору Вятчанину. Вызванный дневальный проводил его.

Войдя в палатку, Земцов увидел стол, за которым словно пустынный бархан возвышался одетый в песочку[18] майор. Не поднимая бритой головы, он изучал разложенные перед ним бумаги.

— Капитан Земцов, следственное управление, прибыл для описи уничтоженных и поврежденных в Пальмире ценностей, — отрапортовал Земцов, приложив ладонь к козырьку полевой кепки.

На Вятчанина это, похоже, не произвело ни малейшего впечатления. Он продолжал гипнотизировать разложенные на столе бумаги, обхватив широкими ладонями бритую на лысо голову.

Так прошло несколько минут. Земцов замялся и откашлялся, напоминая о себе.

Неожиданно майор взорвался, словно динамит.

— Вот на хрен ты мне тут сдался, капитан?! Что ты там расследовать собрался? М?!

Майор глядел сверкающими глазами на Земцова снизу-вверх и продолжал.

— Что мне с тобой тут делать? Нянчиться?! Не дай Бог, тебя ранят… мы ж тебя, амбала, и не утянем!

Земцов хотел что-то ответить, но понимал, что слова тут ни к чему, просто стоял смирно и молча выслушивал излияния майора.

Видя его замешательство, майор поутих.

— Ладно, — рявкнул он, — иди, становись на довольствие, занимай койку в палатке. Приходи в восемь, помозгуем что да как. Завтра утром пойдем к Пальмире.

«Воодушевленный» таким приемом, Земцов отправился по указанному майором маршруту.

В офицерской палатке его встретил улыбающийся до ушей старший лейтенант — командир первого взвода военной полиции, представившийся как Дима Волков из Москвы. Узнав,

[18] Пустынный камуфляж

что и Земцов оттуда же, Волков, который дома не был уже почти год, все выспрашивал, как там дела на Родине.

Пока Земцов занимал койку в дальнем углу и раскладывал в тумбочке свои вещи, удалось выяснить, что они с Волковым по Московским меркам почти что соседи: Дима жил в Коньково, а Денис на Вернадского, и оба болели за ЦСКА. К тому же Волков оказался настоящим весельчаком и кладезем баек и армейских анекдотов.

В восемь часов Земцов вошел в штабную палатку.

Помимо Вятчанина и Волкова, в палатке было еще два незнакомых Земцову офицера, одним из которых оказался командир второго взвода лейтенант Новгородцев, а другим — начальник штаба, капитан Вольский.

Офицеры начали живо обсуждать план утреннего выдвижения на Пальмиру, и Земцов, понимая свою неосведомленность о текущей оперативной обстановке, предпочитал не умничать, а больше слушать и мотать на ус.

Вскоре он понял, что ситуация была весьма удручающей: на всем протяжении между Дейр-эз-Зором и Пальмирой орудовали многочисленные банды недобитков, которые, при активном содействии американцев и французов, под видом мирного населения или ополчения организовывали атаки на патрули и силы правительственных войск.

В таких условиях пробраться к Пальмире без контакта с противником представлялось задачей трудновыполнимой. Поэтому было принято решение выдвигаться еще затемно силами взвода Волкова на двух бронеавтомобилях.

Совещание в штабе было в самом разгаре, когда до офицеров донесся далекий грохот взрыва.

На место была незамедлительно направлена поисковая группа.

Явившийся по итогам дежурный лейтенант доложил, что в двух километрах от лагеря на мине подорвался наш автомобиль. Водитель — младший сержант Николай Трофимов погиб на месте.

Земцов побледнел.

Он вспомнил улыбающееся веснушчатое лицо Коли Трофимова и вдруг впервые понял, что этому парню, спасшему его на незнакомой пустынной дороге, он был обязан жизнью.

Дежурный лейтенант удалился.

В штабной палатке повисла тишина. Каждый думал о своем…

…Ночь выдалась душная.

Уснуть Земцову никак не удавалось. Из головы все не шел погибший Коля Трофимов. Капитан помнил, что у того осталась беременная жена, и это обстоятельство делало гибель Трофимова еще более трагичной.

Земцов понимал, что сын Трофимова никогда не увидит своего отца, и знать о нем будет, в лучшем случае по рассказам матери и немногочисленных сослуживцев.

Поворочавшись еще немного, Земцов поднялся на койке. Посидев с минуту, он тихо вышел из палатки.

Чиркнув пару раз спичкой, капитан закурил сигарету и с удовольствием вдохнул расслабляющий табачный дым.

Вдруг он уловил сзади какое-то движение. И прежде, чем Земцов успел среагировать, он оказался на земле, а сверху его плотно накрывал своей тушей майор Вятчанин. В следующее мгновение грохнул выстрел. Противно свистнула пуля, на этот раз не собравшая своей кровавой дани.

В направлении, откуда раздался выстрел тут же заработал пулемет.

— Идиот! — бросил ему майор. — Твой окурок — лучшая цель для снайпера. В следующий раз захочешь покурить, иди к столовой, там место не простреливается.

Он отряхнулся и пошел обратно в палатку.

— Спасибо… — только и смог выдавить из себя Земцов.

Он понял, что только что ему второй раз за день спасли жизнь. Больше Денис Земцов никогда не брал в рот сигареты.

…Ранним утром, точно в установленное время из ворот лагеря выехали два бронеавтомобиля.

В первом с двумя отделениями ехал майор Вятчанин, во втором — с оставшимися двумя отделениями старший лейтенант Волков и примостившийся с ним рядом Земцов.

Они продвигались по пыльной пустынной дороге уже часа два, и Земцов только диву давался, как шоферы в темноте не теряют ориентации в пространстве.

Выезд считался боевым, поэтому все были укомплектованы в соответствии с ситуацией.

Всю дорогу весельчак Волков не давал скучать, разряжая обстановку прибаутками и веселыми историями из армейской жизни, так что Земцов уже порядком расслабился и уверовал в то, что Вятчанин напрасно всех стращал накануне вечером.

Как оказалось, напрасно…

Уже светало, когда колонна подошла к небольшой деревеньке с труднопроизносимым названием.

— Коптская деревня, — пояснил знающий Волков.

Земцов пригляделся. Действительно, впереди виднелась небольшая христианская часовенка.

Неожиданно майор Вятчанин по рации приказал остановиться и покинуть технику.

Не задумываясь, Волков продублировал приказ своим людям и сам, выпихнув попутно Земцова, выпрыгнул из автомобиля.

Как раз вовремя. В следующее мгновение автомобиль буквально встал на дыбы от попавшего в него гранатометного снаряда и с грохотом рухнул обратно на землю.

Оказалось, что военная полиция наткнулась на секрет боевиков, поджидавших их. Многоопытный майор Вятчанин сумел распознать засаду, однако было уже слишком поздно.

Земцов не помнил, как оказался в одном из домов с десятком солдат, а также Волковым и Вятчаниным.

Повсюду все грохотало, стояли крики и ругань. В замкнутом пространстве комнаты выстрелы звучали так, словно кто-то бил молотком прямо по ушам!

У Земцова в голове гудело и в какой-то момент он даже испугался, что оглох.

Когда же он совладал с собой и огляделся, заметил, что бойцы заняли все окна и вели плотный огонь по наступающим боевикам. На правом фланге безостановочно лупил пулемет, слева пристроился снайпер. В один миг дом превратился в крепость, а окна его теперь играли роль бойниц.

Земцов осторожно выглянул в окно.

Слева по улице догорал подбитый бронеавтомобиль. Чуть дальше в предрассветной темноте ярко горело зарево. Это первое и второе отделения взвода Волкова вели огонь из всех стволов по бандитам.

Тут только Земцов заметил, что в комнате помимо них находятся несколько женщин с детьми, очевидно, тоже укрывшихся от бандитов.

Женщины пытались хватать майора Вятчанина за руки и что-то кричали на своем языке, тыкая пальцами в своих детей.

Майор рявкнул на них разок, и тех словно ветром сдуло.

Бесконечный грохот выстрелов, крики, женский плач, все слилось воедино.

Над всей этой какофонией раскатистым громом звучал голос майора, отдававшего приказы.

Земцов понял, что в этот критический момент майор является едва ли не последней надеждой на их спасение. Не станет его, и они обречены.

А майор тем временем требовал наладить связь со штабом. Он тщетно орал в микрофон рации, требуя прислать подкрепление и нанести удар с воздуха.

— Глушат, гады! — проорал он и как следует тряхнул за плечо связиста с рацией за спиной. — Как хочешь, сынок, хоть провод до штаба тащи, а связь мне сделай!

Увидев Земцова, он гаркнул:

— А ты капитан, чего сидишь?! У тебя не палка в руках! Занимай окно справа! — и он махнул ему рукой. — Веселей, ребята! У нас есть право умереть! — добавил он громче.

После этих слов огонь по боевикам велся с удвоенной силой.

Земцову и раньше приходилось держать в руках оружие и даже несколько раз применять его, но это сильно отличалось от условий настоящего боя.

В лучах предрассветного солнца капитан увидел, как по улице перебежками продвигаются несколько групп боевиков. Некоторые из них уже заняли соседние дома.

Бой явно принимал затяжной характер.

От бесконечных ударов приклада автомата у Земцова уже ныло плечо. Неожиданно в комнату через окно залетел какой-то предмет.

Земцову сперва показалось, что это камень, и он не обратил на него ни малейшего внимания.

— Граната! — заорал майор Вятчанин.

Женщины завизжали в испуге. Майор бросился на крутившуюся по полу, словно стрелка бешенного компаса, гранату и накрыл ее собой.

Земцов видел, как Вятчанина слегка подбросило.

Согнувшись в три погибели, он подполз к майору и перевернул его на спину.

Было слишком поздно. У командира батальона кровь пошла горлом. Он хрипел.

Земцов навсегда запомнил его полные ужаса перед лицом смерти глаза.

Прогремел взрыв, и яркая вспышка почти ослепила Земцова. Когда он пришел в себя, то увидел, как по комнате мечется старший лейтенант Волков, без остановки кричавший:

— Не вижу! Ничего не вижу!

Земцов остановил его, повалив на пол.

С трудом зафиксировав голову старшего лейтенанта, он содрогнулся — лицо весельчака и балагура Волкова было полностью обожжено взрывом.

Земцов вдруг понял, что он остался здесь единственным офицером и, вероятно, последней надеждой для самого себя, а равно и окружавших его солдат и гражданских.

Собрав в кулак всю волю и скромные знания, полученные за годы обучения на военной кафедре, он предоставил Волкова заботам санинструктора, уже разворачивавшего перевязочный пакет, а сам бросился к окну.

Быстро оценив обстановку, он, силясь перекричать звуки боя, рявкнул:

— Отделение, ко мне! К бою! Снайпер! Цель на крыше здания на одиннадцать часов! Пулемет!

Пулеметчик не реагировал, продолжая остервенело поливать улицу огнем. Ствол пулемета уже дымился, не выдерживая нагрузки. Казалось, еще немного и дым пойдет от самого пулеметчика.

Земцов подобрался к нему и встряхнул парня, которого и без того трясло крупной дрожью. На него уставилось опаленное, все в копоти лицо, на котором лихорадочным блеском, словно два угля, горели глаза.

— Укажу цель трассерами! — проорал Земцов.

Пулеметчик коротко кивнул.

Капитан сменил магазин и задал ему направление светящимися, похожими на огненные стрелы, пулями.

Неизвестно, сколько бы им удалось продержаться, если бы не появившиеся невесть откуда силы сирийской армии.

Завидев приближающихся военных, бандиты побежали.

Воодушевленные бойцы во главе с Земцовым погнали их до самого выхода из деревни.

…С рассветом оставшиеся в живых бойцы военной полиции собрались в центре поселка.

Земцов как заправский командир уже руководил эвакуацией раненных.

Сюда же подошли сирийские военные и оставшиеся местные жители.

Вдруг к Земцову подбежал какой-то старичок и начал что-то кричать, активно при этом жестикулируя.

Капитан пытался объяснить, что ничего не понимает. А старик тем временем упорно тянул его за рукав, пытаясь увлечь за собой.

На помощь пришел один из сирийских офицеров, немного говоривший по-английски.

— Это старейшина поселка. Он хочет, чтобы вы пошли за ним, — перевел сириец.

Земцов, взяв с собой пятерых солдат и пулеметчика, отправился за стариком.

Через несколько минут они оказались на окраине поселка.

То, что предстало их взору навсегда отпечаталось в памяти капитана.

Вдоль песчаной проселочной дороги ровными рядами лежали изуродованные тела мирных жителей. Здесь были мужчины и женщины, старики и дети, скрючившиеся в самых разных противоестественных позах.

Больше всего запомнился капитану маленький ребенок, лежавший между двух взрослых — должно быть, родителей.

Такую расправу бандиты учинили над христианами, когда-то жившими здесь.

Земцов посмотрел справа и слева от себя. Даже бывалые бойцы пребывали в глубоком шоке от увиденного.

Капитан полез в карман и извлек свой телефон. Тот был полностью негоден, видимо, разбился во время боя.

— Есть у кого телефон? — не своим голосом спросил Земцов.

Стоявший справа младший сержант извлек исправную трубку с камерой.

— Снять здесь все, — тихо приказал он, — мир должен знать об этом.

А к окраине поселка уже подходили военные и оставшиеся в живых местные жители. Всюду слышались тихие голоса и женский плач.

Вдруг справа Земцов заметил движение. Двое военных полицейских тащили под руки какого-то помятого мужичонку.

Швырнув его перед расступившейся толпой, один из бойцов доложил:

— Вот, товарищ капитан, прятался в подвале. Смотрите, что при нем нашли.

Он протянул Земцову американскую рацию и пистолет-пулемет израильского производства.

Повертев вещи в руках, капитан передал их одному из бойцов и взглянул на пленника. Тот смотрел испуганно, переводя дикий взгляд с толпы местных жителей и на военных.

Местные решительно двинулись вперед, перекрикивая друг друга и требуя немедленной расправы. Пленный боевик начал лопотать, цепляясь крючковатыми пальцами за штанину капитана и прося защиты.

Секунду поразмыслив, Земцов дал приказ окружить того и не подпускать разъяренную толпу. Схватив за рукав топтавшегося рядом сирийского офицера, он гаркнул:

— Переведи! Самосуд вершить не позволим!

Тут, прорвав оцепление, к нему подбежала женщина с мертвым ребенком на руках.

— Господин офицер, это сделал он… — проговорила она на ломаном английском сквозь рыдания и указала на пленного, — он… он!

Земцов опустил глаза, не в силах смотреть на нее. Он не знал, что ответить.

Вечером того же дня он сидел в штабной палатке уже в Пальмире и тупо смотрел в стенку. Из этого боя он вернулся с поседевшими висками и пустыми глазами. Он как будто постарел за один день.

В голове роились самые разные мысли. В палатку вошел полковник юстиции и жестом показал Земцову сидеть. Сам он присел рядом и закурил.

— Того пленного пришлось отпустить, — поколебавшись с минуту, сообщил он.

Земцов не поверил своим ушам. Он перевел озадаченный взгляд на полковника.

Тот продолжил:

— На связь вышли американцы… сообщили, что это их ценный информатор… пришлось передать его, сам понимаешь…

Земцов отказывался понимать. Он резко встал и, не произнося ни слова, вышел из палатки.

Глядя в ночное небо, он беззвучно плакал…

***

Когда Земцов закончил, все вокруг стояли молча.

Сильви опустила глаза, не решаясь смотреть на майора, а он словно мыслями все еще был там, в сирийской пустыне.

— Это была моя самая большая ошибка… — наконец проговорил он. — Но больше я подобных ошибок стараюсь не совершать…

Повисла неловкая пауза, которую с глупым видом нарушил Хантер, похлопав в ладоши.

— Благодарим, господин майор, за ваш увлекательный рассказ, но, господа, думаю, мы уже достаточно наслушались о вашем героизме. Вашу руку, господин майор, — Хантер протянул Земцову свою холенную ладонь.

Земцов брезгливо посмотрел на руку Хантера, затем обвел взглядом всех собравшихся.

Покачав головой, он тихо сказал:

— Вы, господин Хантер, так ничего и не поняли. Герой не я, а те парни, — он кивнул головой вверх, — майор Вятчанин и сержант Трофимов, старший лейтенант Волков, получившие свои награды посмертно. А наши враги имели хорошее оружие… американское оружие, мистер Хантер.

С этими словами он стянул с правой руки черную перчатку и протянул руку американцу. Тот побледнел. Некоторые дамы ахнули, а Сильви прикрыла рот ладонью. Вся рука Земцова была покрыта глубокими уродливыми шрамами, а на пальцах совсем не было ногтей.

Хантер так и не решился пожать руку майора. А тот надел обратно кожаную перчатку и коротко кивнул:

— Честь имею.

С этими словами он покинул зал. Все смотрели ему вслед.

Наконец молчание прервал граф ван ден Ален, процедивший сквозь зубы:

— Удивительный варвар…

Услышав это, Сильви зарделась и несмотря на протесты родителей быстрым шагом направилась вслед за Земцовым.

Лоссаль сказал металлическим тоном.

— Этот варвар, граф, неделю провел у боевиков, и одному Богу известно, что ему пришлось пережить, пока его не освободили, — чеканя каждое слово проговорил он, — этот варвар не раз сражался с бандитами и проявил себя блестяще. Думаете, он и подобные ему делают

это ради вас? Не заблуждайтесь, они делают это ради того, чтобы этот мир окончательно не превратился в ад.

И поклонившись, Лоссаль в сопровождении ди Маджио покинул зал под бравурную музыку оркестра.

***

Денис с задумчивым видом брел по улице незнакомого города, а в его голове роились самые разные мысли.

Он уже почти дошел до середины моста Эразма — крупнейшего в Роттердаме, когда увидел прямо перед собой знакомую фигуру.

Обнимая себя за плечи, напротив стояла Сильви. Так и не решившись поднять на него глаза, она тихо произнесла:

— Прости их, Дэни…

Денис только вздохнул и накинул на плечи девушки свой плащ.

— Похоже, во время каждой нашей встречи я должен согревать тебя, — с улыбкой произнес он.

Сильви благодарно посмотрела не него.

— Должен признать, у тебя отличный жених, — с сарказмом продолжил Денис, — я впечатлен.

Сильви густо покраснела и снова опустила глаза.

— Я… я должна была… — запинаясь начала она. — Я все тебе объясню…

Денис покачал головой.

— Ты не должна ничего объяснять.

Они некоторое время молчали, глядя друг на друга, а затем Сильви прильнула к нему, и Денис крепко обнял ее.

Глава 8

За ночь Земцову так и не удалось толком сомкнуть глаз.

Вокруг творилась какая-то чертовщина. Всюду в темноте незнакомого гостиничного номера слышались странные шорохи и скрип старых дубовых половиц.

Казалось, что кто-то невидимый ходил возле кровати, у входной двери и у окна на другом конце комнаты.

Привыкший за время службы на Ближнем Востоке реагировать на малейшее движение, Земцов то и дело подскакивал в постели, стряхивая с себя остатки тревожной дремоты, и включал расположенную на прикроватной тумбочке лампу.

Обводя комнату пристальным взглядом, он снова падал на матрац, пребывая в полной уверенности, что медленно сходит с ума.

В какой-то момент он задумался.

Темноты Земцов никогда не боялся. Даже в детстве, когда в каждом из нас живет первобытный, выработанный еще далекими предками, священный трепет перед мраком ночи.

Земцова темнота всегда манила своей таинственностью. Ему очень хотелось узнать, что сокрыто за мраком, и он испытывал истинное удовольствие, когда черное полотно прорезал лучик подаренного дедом карманного фонарика.

Его дед, опытный охотник, всегда учил уважать темноту, относиться к ней как к живому существу, способному в случае необходимости дать укрытие, или наоборот, укрыть твоего неприятеля.

В какой-то момент к Земцову пришло осознание, что вопреки расхожему мнению яркий свет дня не менее подходит для темных делишек, нежели мрак ночи. Поэтому бояться темноты просто глупо.

Земцов понимал, что людям проще жить в мире, где все делится на черное и белое, где день создан для благих дел, а ночь — для коварных злодеяний.

Гораздо больше майора страшила другая тьма… та тьма, что жила в человеке и порой вырывалась наружу, вынуждая совершать преступления.

Земцов давно пришел к выводу, что его судьба и судьбы тысяч других, связавших себя с нелегким ремеслом защиты закона и справедливости, неразрывно связаны с тьмой, и все они в какой-то степени напоминают лучик фонарика из его далеких детских воспоминаний…

Наконец устав от тех странностей, что творились в его гостиничном номере, Земцов решил оставить лампу включенной.

«Пусть тьма отступит!»

В очередной раз взбив неудобную жесткую подушку, он прилег и постарался уснуть.

Сколько времени прошло, Земцов не помнил, но он увидел огромный, залитый солнцем цветущий луг, какие часто можно встретить в центральной полосе России. Проведя рукой по высокой траве, майор с удивлением отметил, что она полностью здорова и избавлена от извечной черной перчатки. В этот момент он окончательно убедился, что спит.

Слева и справа виднелись, точно сошедшие с пейзажа, небольшие рощицы, из которых доносились мелодичные песни соловьев.

На душе вмиг стало хорошо и спокойно.

Земцов прикрыл глаза и вдохнул полной грудью.

Но мгновение тишины и беззаботности сменилось нарастающей тревогой. Подул холодный ветер, майор открыл глаза и увидел, как резко меняется пейзаж.

Небо заволокло свинцовыми тучами, трава вокруг пожухла и стала буро-коричневой. Соловьиные рощи исчезли, сменившись враждебным осенним бором, словно стена стоявшим перед майором.

Земцов понял, что находится на опушке Каннок-Чейсского леса.

Некоторые деревья уже стояли совершенно голыми, а на других местами еще виднелась коричневая листва.

У самого входа в лес майор заметил какое-то движение. Издали казалось, что это медведь.

Земцов пригляделся и не поверил своим глазам.

У кромки леса, подняв руки, пританцовывал невысокий человек, полностью одетый в медвежью шкуру.

Медленно крутясь вокруг своей оси, он совершал странные неестественные движения руками, такие, словно пытался отпугнуть кого-то невидимого. От необычного человека исходила какая-то угроза, чувствовавшая на подсознательном уровне.

Секунду Земцов стоял опешив.

Но даже во сне он оставался тем, кем был в реальности.

— Эй, ты! А ну стоять! — рявкнул он громким командным голосом.

Человек вздрогнул от неожиданности, согнулся и воровато обернулся.

Холодок пробежал по спине майора.

Перед ним был не человек, а какое-то существо. Лица разглядеть он не мог, потому что все его внимание было сосредоточено на огромных, черных как агаты глазах, которыми существо таращилось на него.

С большим трудом Земцов вернул самообладание и строго выкрикнул:

— Полиция! Не двигаться!

Он сделал решительный шаг вперед, но существо тут же опрометью кинулось в лесную чащу.

Земцов бросился в погоню, но в какой-то момент понял, что бежит на месте. Существо уже давно исчезло из виду, а он все не мог добежать до опушки леса.

Неожиданно, он услышал звук — тонкий, жалобный, словно где-то поблизости плакал ребенок.

Майор остановился и перевел дух.

Так и есть.

Плакал ребенок, но понять, откуда исходил звук, Земцов не мог. Он вертел головой по сторонам, но все без толку.

Когда он проснулся, плач как будто доносился из соседнего номера.

Земцов прислушался и замер. Источник звука был определенно где-то рядом.

Периферийным зрением он успел заметить, как в правом углу, наименее освещенном, метнулась какая-то тень. Земцов резко повернулся в ту сторону, но не успел ничего разглядеть. Походивший на детский плач звук исчез.

Майор вскочил с постели, сон как рукой сняло. Он быстро осмотрел номер, но ничего подозрительного не обнаружил. Все двери и окна были крепко заперты, никаких следов постороннего присутствия не наблюдалось.

А затем раздалась мелодия, сработал будильник лежавшего на прикроватной тумбе мобильника. Земцов отключил противный сигнал и потянулся.

Решив, что ему все это почудилось, он пожал плечами и, продолжая разминаться, направился в ванную комнату.

Включив свет, он не успел сделать и шага, остановившись как вкопанный.

На висевшем над раковиной запотевшем зеркале, маленькой, явно детской рукой, была выведена аккуратная надпись «помоги».

Земцов едва успел снять ее на телефон, как в следующее мгновение надпись исчезла.

***

Земцов спустился к завтраку.

В зале паба «Тисовая аллея» было тихо, и ничто не напоминало о том, что еще недавно в заведении было полно народу.

За дальним столиком сидел Садхир и поглощал изрядную порцию свиных сосисок. За стойкой, как и накануне вечером, хлопотал мистер Кранберри. Создавалось впечатление, что этот человек вообще никогда не спит. Увидев Земцова, хозяин «Кэмбдон Гарден Инн» приветливо помахал ему рукой. Майор кивнул в ответ и проследовал к столику, за которым устроился его напарник.

Плюхнувшись на жалобно заскрипевший стул, Земцов шумно выдохнул.

Садхир проглотил очередной кусок мяса и с сомнением взглянул на своего русского коллегу.

— Если бы я не знал тебя, то мог бы с уверенностью сказать, что ночь ты провел в компании бутылки доброго виски… — задумчиво протянул он.

Земцов посмотрел на Садхира мутными глазами и благодарно кивнул мистеру Кранберри, как нельзя кстати налившему ароматного горячего кофе в стоящую перед майором кружку.

Сделав большой глоток, Земцов зажмурился от удовольствия.

— Нелегкая ночка выдалась, — подавив зевок, Земцов поставил на отполированную столешницу кружку с кофе и принялся усиленно массировать обеими ладонями глаза.

Садхир пожал плечами и вновь вернулся к поглощению сосисок.

Земцов с минуту наблюдал за ним, а затем, осторожно, словно извиняясь, спросил:

— Ты… ничего не слышал сегодня ранним утром? Где-то в половине седьмого?

Садхир поднял глаза на напарника и будто дирижерской палочкой неопределенно взмахнул вилкой, с наколотым на нее кусочком сосиски.

Сделав глоток кофе, он наконец ответил.

— Ничего, спал сном младенца, — инспектор расплылся в широкой улыбке.

— Младенцы редко спят спокойно и к тому же будят своих родителей, — задумчиво глядя на противоположную стену, сказал Земцов.

— Тебе-то почем знать, — проворчал Садхир, — когда будет у тебя миссис майор и малыши, тогда и поговорим, — он подмигнул Земцову и продолжил, — вот с нашей дочуркой у нас с Лилли проблем никогда не было.

Земцов понял, что еще немного и инспектор перейдет к любимой теме — обсуждению дочери Мариши.

В сентябре, когда они вместе работали с Садхиром по «Делу Теней», Земцову приходилось частенько бывать в доме инспектора, и даже один раз он заночевал у него. Поэтому майор был не понаслышке знаком со всей его большой семьей.

Ученица первого класса Мириша была не по годам умна и рассудительна, тем не менее оставаясь шестилетним ребенком. Большой, как медведь, Земцов, выделяющийся на фоне всей ее родни, вызвал истинное восхищение девчонки и ее любимым развлечением стало катание на плечах у майора. От одного воспоминания Земцов подавил улыбку и поспешил вернуть разговор в нужное русло.

— Кстати, о детях, — осторожно начал он, — готов поклясться, что сегодня утром слышал детский плач и… — майор замялся. — Могу с уверенностью сказать, что звук был в моем номере.

Садхир недоуменно посмотрел на него.

— Ну и что? Подумаешь, эка невидаль — плакал ребенок где-то у соседей, а тебе спросонья и показалось.

Он потянулся.

— А с тобой и мне начнет мерещиться всякое! Шутка ли — через пол страны на машине! Да еще весь день в дороге!

Земцов внимательно слушал его излияния. Когда инспектор закончил сетовать на свою непростую судьбу, майор продолжил.

— И все-таки я уверен, — твердо заявил он.

Садхир с сомнением посмотрел на своего приятеля.

— В чем ты уверен? В том, что у тебя в номере был невидимый ребенок, который еще и плакал к тому же?

Земцов опустил глаза, понимая всю абсурдность своих заявлений.

— А мы сейчас это и выясним, – оживился Садхир и повернулся к мистеру Кранберри, как раз подошедшему к ним с кофейником в руках.

— Скажите, сэр, в гостинице есть постояльцы с маленькими детьми? — осведомился он.

Хозяин гостиницы удивленно посмотрел на него.

— Нет, сэр. Вы с господином Земцофф единственные гости…

Он на секунду замялся.

— Хотя нет, есть еще молодая леди… она заняла номер пять с месяц назад. Номер оплачен, но ее самой я давненько не видел. Она упоминала, что приехала изучать лес и ее может долго не быть. Видимо, мы с ней не пересекаемся, ключ от номера она ни разу не оставляла.

Мистер Кранберри налил свежий кофе в кружки и удалился, а Земцов победоносно посмотрел на Садхира.

— Вот, видишь! Детей в гостинице нет, а это значит…

— А это значит, что ты окончательно свихнулся из-за этого дела, — закончил за него Садхир.

Он глубоко вздохнул.

— Я понимаю, как дорога тебе последняя жертва… — инспектор осекся и продолжил не так уверенно. — То есть, эта Сильви… Никогда не видел, чтобы кто-то так яростно пытался докопаться до истины, как это делаешь ты. Но посмотри на себя — ты не спишь, практически не ешь и носишься по всей Европе в ее поисках.

Земцов жестом остановил его и миролюбивым тоном произнес.

— Спасибо за поддержку, дружище, но я в порядке. Правда! И потом, что ты скажешь на это? — он протянул Садхиру свой мобильник, на экране которого было фото таинственной надписи, обнаруженной в ванной комнате.

Садхир повертел телефон в руках и недоуменно посмотрел на майора.

— Это я нашел на зеркале в своей ванной комнате сегодня утром… — пояснил Земцов. — Едва успел заснять. Не поверишь, но надпись почти сразу исчезла.

Садхир недоверчиво посмотрел на майора.

— Как это исчезла…? — раздраженно пробурчал он. — Чья-то неудачная шутка?

Земцов покачал головой.

— Я проверил зеркало с фонариком. Никаких отпечатков. Ничего! Можешь сам проверить.

Садхир проворчал что-то на своем родном языке и нехотя поднялся из-за стола.

Всю дорогу до номера Земцова инспектор продолжал чертыхаться и, войдя внутрь, сразу направился в ванную комнату.

Под пристальным взглядом Земцова он минут десять рассматривал зеркало с разных углов, дышал на его поверхность, светил фонариком, направляя свет то так, то эдак. В итоге он решил снять зеркало и осмотреть. Все без толку.

Наконец инспектор озадаченно почесал затылок и повернулся к Земцову.

— Слушай, Дэни, а ты меня часом не разыгрываешь? — прищурился он.

Земцов одарил его тяжелым взглядом.

— Ясно, — без лишних слов выдохнул инспектор и поднял руки вверх, давая понять, что не имеет ни малейшего представления о том, что произошло в номере майора.

***

Спустя пятнадцать минут они уже стояли у входа в кабинет суперинтенданта Маклафлина.

Предстояла вылазка в Каннок-Чейсский лес, к тому месту, где по словам очевидцев, видели девушку, похожую на Сильви ван ден Ален.

Первой мыслью сегодня было отправиться на разведку без болтливого суперинтенданта. Но поскольку ни Садхир, ни тем более Земцов не знали местных лесных троп, оба были вынуждены признать, что без сопровождения Маклафлина им не обойтись.

Едва переступив порог кабинета, Земцов и Садхир остановились. Суперинтендант был не один. В одном из кресел, спиной к двери восседал некий джентльмен.

Маклафлин поднялся навстречу вошедшим, приветственно расставив руки в стороны. Его гость также встал из кресла и повернулся ко входу.

Земцову хватило одного взгляда на посетителя, чтобы понять, кто перед ним стоит. Бледное аристократическое лицо, капризный изгиб губ, тонкие усики — на него изучающе смотрел точно сошедший со вчерашнего портрета сэр Фицалан. Дополнял гротескный образ визитера старомодный, но элегантный костюм-тройка.

«Не хватает только бутоньерки в петлице, а так — чистый мафиози из фильмов Ричарда Уилсона[19]», — отметил про себя Земцов.

А Маклафлин уже вовсю играл роль радушного хозяина.

— Джентльмены, прошу вас, — обратился он к Садхиру и Земцову, — рекомендую — сэр Мортимер Фицалан, патрон округа Каннок и наш добрый друг!

Он сделал широкий жест рукой, словно хотел продемонстрировать масштаб неслыханной доброты Фицалана. Но на Садхира и Земцова столь лестная рекомендация не произвела должного впечатления. Оба, не сговариваясь, тяжелым «полицейским» взглядом изучали сэра Фицалана.

Тот слегка сощурился в ответ и первым нарушил неловкую паузу.

— Господа, мистер Маклафлин как раз рассказывал мне о вас. Вы, должно быть, наши гости из столицы? Что ж, рад приветствовать вас на земле моих предков, — изрек он неожиданно приятным баритоном, — поверьте, места здесь сказочные, а люди еще лучше, — аристократ протянул руку Садхиру ладонью вниз словно для поцелуя.

Секунду помешкав, инспектор пожал ему кончики пальцев, точно здоровался с женщиной. Затем чести приветствия благородного сэра Фицалана удостоился и Земцов. Майор не стал миндальничать и от души стиснул своей огромной лапищей в перчатке тонкие, как у пианиста, пальцы Фицалана. Аристократ поморщился от боли и резко, точно от огня, отдернул руку.

— Что ж, сэр Мортимер, почту за честь познакомиться с вами, — начал Садхир, — но нам с господином суперинтендантом нужно обсудить планы расследования.

Многозначительным взглядом он явно дал понять сэру Фицалану, что не собирается продолжать разговор в его присутствии. Но Фицалан, между тем, и не думал уходить. Напротив, он снова приземлился в кресло и удивленно спросил:

— Расследование…? Но позвольте, я полагал, что «Дело Теней» закрыто! По крайне мере так писали в газетах?

Земцов скрипнул зубами, а Садхир раздраженно посмотрел на Маклафлина.

— Вижу, сэр Мортимер, — процедил он, не отводя взгляда от суперинтенданта, — вы неплохо осведомлены о цели нашего приезда.

---

[19] Ричард Уилсон – американский кинорежиссер середины пятидесятых, известные своими картинами про Чикагскую мафию.

Маклафлин смущенно посмотрел вниз, пытаясь разглядеть под пивным животом носки своих ботинок.

— Расследование никогда не прекращалось, — вмешался Земцов, — просто следственные действия на территории Англии были приостановлены.

— Да, но ведь та девушка… как же ее…? Последняя пропавшая… — Фицалан зажмурился, силясь вспомнить имя.

— Ван ден Ален, — напомнил Земцов.

— Да, точно, Сильви ван ден Ален, — обрадовался баронет, — она ведь исчезла в Лондоне! Неужели след привел вас к нам?

Обсуждать детали расследования с посторонним — грубейшее нарушение инструкции и служебной этики. Поэтому Садхир ответил неопределенно, в духе «так уж сложилось».

— Суперинтендант, мы ждем вас внизу, вы знаете, куда мы собираемся, — сказал Садхир, давая понять, что беседа закончена.

Похоже, о том, куда они собираются, знал не только Маклафлин.

— Вы в лес? — осведомился Фицалан. — Могу вам все показать лично, мои владения как раз примыкают к чаще.

— Исключено, — отрезал Садхир и направился к выходу.

Земцов многозначительно взглянул на Маклафлина и, кивнув Фицалану, последовал за коллегой.

***

Почти всю дорогу от полицейского участка в машине царило напряженное молчание.

Поначалу Маклафлин пытался оправдываться. Он убеждал в том, что такому уважаемому человеку как сэр Фицалан можно доверять и раскрывать секреты. Но не найдя поддержки у коллег, он в итоге замолчал и перестал поднимать столь щекотливую тему.

Спустя примерно минут двадцать он остановил автомобиль на покрытой осенней листвой обочине.

Все трое вышли из машины.

Земцов покрутился, разминая как всегда затекшую поясницу, и попутно огляделся.

С обеих сторон почти вплотную к дороге подступал лес. Несмотря на то, что листва уже отлетела, накрыв землю серо-бурым ковром, деревья стояли настолько плотно друг к другу, что разглядеть что-либо дальше пятнадцати ярдов не представлялось возможным.

— Вроде бы здесь Белфорды видели ее, — уныло протянул Маклафлин, — вот и дорожный указатель, — он махнул в сторону знака, гласившего, что до Каннока ехать пятнадцать миль.

— А вот и тормозной путь их машины, — сказал Земцов, глядя на асфальт.

Он извлек из кармана куртки сигарету и стал крутить ее в пальцах, разглядывая четкий след от протекторов шин.

Все трое двинулись по следу. Дорога была пустынна, так что полицейские без опаски шли прямо посреди нее.

— Здесь он начал объезжать препятствие, — Садхир указал, что след стал резко забирать вправо, а там он улетел в кювет.

— Выходит, девушка стояла примерно в этом промежутке, — Земцов пальцем прочертил дугу, — сюда кто-нибудь из ваших выезжал? — обратился он к Маклафлину.

Тот только неопределенно передернул плечами.

— А зачем? Тони ведь заявление отозвал.

— Действительно, зачем?! — с сарказмом протянул Земцов и присел на корточки, разглядывая асфальт.

Садхир тем временем закурил сигарету, перекидывая ее из одного уголка рта в другой и выдыхая в прохладный воздух клубы дыма. Инспектор извлек из кармана телефон и начал панорамную съемку места происшествия, методично надиктовывая на камеру данные о месте и времени действия.

— Если силитесь найти следы, майор, то это напрасно, — Маклафлин зябко поежился, — на неделе не меньше трех раз был дождь.

Земцов ничего не ответил, продолжая пристально осматривать ровный асфальт. Неожиданно он, не говоря ни слова, вскинул вверх руку, подзывая Садхира. Когда инспектор с телефоном в руке приблизился к нему, майор указал пальцем на дорогу.

Стараясь сохранять хладнокровие, Садхир проговорил на камеру:

— На участке дороги обнаружены следы в форме помарки. Предположительно, кровяные… размером приблизительно дюйм на полтора.

Маклафлин подскочил к ним, желая убедиться собственными глазами.

Действительно после того, как следствие больше месяца топталось на месте, это была колоссальная удача!

Земцов вдвое быстрее обычного крутил в пальцах сигарету, оглядываясь по сторонам. Мгновение спустя, он снова указал пальцем, на этот раз примерно на метр ближе к правой обочине.

Садхир склонился над землей и сухим тоном проговорил:

— Обнаружен еще след. Предположительно, кровяной… в форме помарки…

Земцов выпрямился. Садхир закончил съемку и спрятал телефон в карман. Больше следов не было.

— Ничего не понимаю, — выдавил Маклафлин.

— А что тут непонятного? — буркнул Земцов. — У нее, похоже, был порез на ноге… Она слегка приволакивала ногу, оставляя этот смазанный след… Это повезло, что дождем не смыло.

Он спрятал сигарету в карман и хлопнул в ладоши, будто пытаясь вернуть себе самообладание.

— Вызывайте криминалистов, — гаркнул Садхир суперинтенданту, — и кинолога с собакой.

— Телефон тут не ловит, — виновато развел руками Маклафлин, — а кинолога у нас никогда и не было. Надо звонить в Стаффорд, просить прислать специалиста. Если повезет, может быть к концу недели…

Садхир тупо уставился на Маклафлина.

— Вы сейчас шутите, сэр…? — наконец спросил он.

Маклафлин отрицательно помотал головой.

Земцов громко выдохнул, а затем выудил из кармана телефон. Экран не показывал ни одной «палки» уровня связи. Майор попытался поднять руку вверх, но и это не помогло.

— А рацию вы с собой возите, господин суперинтендант? — спросил он.

Маклафлин снова затряс головой, точно болванчик.

— Ну, конечно, а зачем? — воздел руки к небу Земцов, начиная терять самообладание.

— Вот что, суперинтендант, — сказал Садхир, — езжайте-ка в город и привезите нам криминалистов и всех ваших свободных людей, а мы тут покараулим.

— Зачем всех людей? — неуверенно переспросил Маклафлин.

— Будем прочесывать лес!

Маклафлин пару секунд стоял молча, а затем нехотя заковылял к машине. Земцов и Садхир молча глядели ему вслед.

Когда внедорожник скрылся за поворотом, Садхир задумчиво протянул:

— Сдается мне, что добрый друг здешних копов сэр Мортимер уже к вечеру будет знать о наших успехах.

— Раньше, — покачал головой Земцов, — гораздо раньше.

***

С отъезда Маклафлина прошла почти четверть часа, и за это время по дороге проехал лишь один автомобиль. Земцов и Садхир, размахивая руками, заставили перепуганного шофера, уверенного в том, что на лесной дороге ему повстречалось два психа, объехать участок, на котором сыщики обнаружили кровавые следы.

Оба с нетерпением ждали возвращения суперинтенданта с подмогой.

Земцов пытался отогнать вдруг появившуюся мысль о том, что обнаруженный след может принадлежать не Сильви, а всего лишь какому-нибудь раненому животному. Поэтому он в волнении мерил небольшой участок дороги торопливыми шагами.

Садхир же, точно ворон на ветке, примостился на дорожное ограждение и курил, пуская вверх аккуратные колечки дыма.

Гробовую тишину нарушали лишь шаги Земцова, отдававшиеся гулким эхом в лесной чаще.

В какой-то момент майору стало казаться, что он слышит не звук шагов, а удары собственного сердца. А сердце и чутье опытного лиса-сыщика подсказывали ему, что медлить нельзя. Если Сильви в лесу, если она ранена, то каждая минута промедления может стоить очень дорого…

Потому Земцов заявил безапелляционно:

— Я иду в лес.

Садхир чуть не поперхнулся.

— Не дури, Дэни! Что ты там один будешь делать? Лучше дождемся Маклафлина с его ребятами, тогда и…

Он не успел договорить, так как Земцов, больше не говоря ни слова, решительным шагом направился к обочине. Садхир чертыхнулся и спрыгнул с насиженного места.

— Ну куда ты собрался, а? — ворчливо попытался он образумить приятеля. — Еще не хватало, чтобы и ты потерялся!

— Не забывай, дружище, я все детство провел в лесу с дедом, —ободряюще подмигнул ему Земцов, — уж как-нибудь разберусь. Кроме того, я не далеко… отойду ярдов на сто, не больше… Посмотрю, может еще что удастся отыскать…

— Я с тобой, — вздохнул Садхир, пытаясь загасить сигарету.

— Нет, — решительно возразил майор, — лучше останься. Важнее всего сохранить следы, — он указал на асфальт.

Потоптавшись пару секунд, Садхир кивнул и вернулся на свой «наблюдательный пункт».

Земцов повернулся к лесу, окинул непроходимую стену из деревьев оценивающим взглядом и направился вглубь чащи.

Спустившись в кювет, он сначала поворошил придорожную листву.

«Вдруг удастся найти еще следы…»

На этот раз удача ему не улыбнулась, и Земцов направился дальше.

Стараясь идти как можно ровнее, он медленно продвигался вперед, то и дело оглядываясь на Садхира, используя того, как главный ориентир. При этом нужно было не забывать внимательно смотреть под ноги, чтобы ненароком не упустить какую-нибудь значимую деталь.

— Эй, Дэни, как ты там?

Он в очередной раз повернул голову назад и с удивлением обнаружил, что ни дороги, ни инспектора верхом на изгороди он уже не видит.

— Все в норме! — крикнул он в ответ и продолжил движение, на этот раз уже менее уверенно.

Сделав еще пару шагов вперед, Земцов в нерешительности остановился.

Лес производил на него гнетущее впечатление. Деревья стояли настолько плотно друг к другу, что майору казалось, будто он попал в каменный мешок, и все вокруг давит на него и как будто пытается запугать.

«Может и впрямь вернуться?» — подумал он.

Поколебавшись мгновение, тряхнул головой, достал из кармана перочинный нож и прибегнул к старому испытанному трюку — сделал едва заметную засечку на стволе ближайшего дерева.

«Теперь будет легче», — удовлетворенно кивнул он самому себе и продолжил путь.

Шел он вперед, продираясь через корявые ветви, которые лезли в лицо.

Ему казалось, что в этой чаще он провел не меньше получаса, а найти хоть что-нибудь, между тем, так и не удалось.

«Надо бы возвращаться. Маклафлин наверняка уже на месте».

Майор повернул назад. Но пройдя несколько метров, он остановился в замешательстве.

Он готов был поклясться, что оставлял на стволе старой сосны засечку, но сколько ни пытался своей метки на дереве обнаружить не смог.

Земцов озадаченно почесал затылок.

«Может не туда повернул? Хотя нет… кажется, туда… вон и небольшая поваленная осина, ее я запомнил».

Майор прошел вперед еще несколько метров и снова остановился. Покружив немного, он вынужден был признать, что Садхир оказался прав — он заблудился.

Тяжело вздохнув, майор заорал во все горло:

— Садхир!

Кроме раскатистого эха ему никто не ответил. Он попробовал еще раз и еще, но все без результата.

«Видимо, я ушел слишком далеко. Садхир меня просто не слышит».

Земцов напряг слух, пытаясь уловить хоть какой-нибудь звук, способный подсказать ему правильный путь: шум автострады, гудение линии электропередач, плеск воды. Но как на зло, вокруг стояла гробовая тишина.

Неожиданно подул прохладный ветерок. Небо затянуло свинцовыми тучами.

«Прямо как в моем сне», — поймал себя на мысли Земцов.

Вдруг он застыл. Среди шума ветра он отчетливо услышал… детский плач! Сперва майор не поверил своим ушам и замотал головой в попытке отогнать наваждение. Не помогло.

Земцов завертел головой.

«Кажется, звук доносится оттуда…» — он кинулся к небольшой поляне, посреди которой лежал полусгнивший поваленный ствол какого-то дерева.

Обогнув его, майор остолбенел.

Прямо на земле, спиной к нему сидела девочка. На ней были легкий плащ и форма, какие обычно носят в частных школах. Каштановые волосы были сплетены в тугую косу с заколкой в виде розового пони.

Когда первое удивление у Земцова прошло, он осторожно приблизился и потрогал девочку за плечо.

— Эй… привет… — как можно более миролюбиво начал он. — Как ты тут оказалась?

Малышка подняла на него заплаканные серо-зеленые глаза и, ничего не ответив, шмыгнула носом.

Земцов опустился на колени.

— Я Денис, а тебя как тебя? — спросил майор, стараясь придать своему тону побольше уверенности и непринужденности.

— Аббигэил… — выдохнула девочка, — но для друзей я просто Абби.

Майор улыбнулся.

— А я для друзей Дэни! Что ж, Абби, будем знакомы!

Девочка потерла грязной ладошкой глаза и тоже изобразила некое подобие улыбки.

Земцов огляделся по сторонам.

— Ты потерялась, наверное? Где твои родители?

Девочка пожала плечами и помотала головой.

— Давно ты тут?

— Давно… а-а-а… та тоже потерялся?

Земцов тяжело вздохнул.

— Похоже на то… Но ты не бойся, — он подмигнул девочке, — я коп, нас скоро найдут, и мы выведем тебя к твоим родителям.

Абби в ответ грустно улыбнулась и спросила.

— А что ты делаешь в лесу, Дэни?

Земцов поднял ее с земли и усадил на поваленное дерево. Руки у девочки были холодные, как лед.

«Видимо, переохладилась, пока сидела здесь, — решил майор, — ну, получит у меня Маклафлин! Ребенок пропал, родители наверняка места себе не находят, а он сидит и «все у него хорошо и в порядке!»

— Видишь ли, Абби, я ищу тут кое-кого. Одну девушку, — Земцов посмотрел по сторонам.

Абби пожала плечами.

— Все ищут девушку.

Земцов резко повернулся к девочке.

— Что? Повтори, что ты только что сказала? Ты видела ее? Кто ее ищет?

Абби кивнула.

— Он ее ищет… и может найти… Не дай ему опередить себя…

Земцов схватил девочку за тонкие плечи.

— Абби, это серьезно! Кто ищет девушку, кто может меня опередить?

— *Он*, — повторила девочка безразличным тоном словно заводная кукла.

— Хо-ро-шо, — медленно проговорил Земцов, — а где ты видела девушку?

— Здесь, — девочка обвела головой вокруг.

— Ты говорила с ней?

— Мне нельзя.

Земцов уже отказывался верить в происходящее. Абби говорила с ним загадками.

— А почему нельзя? Ты о чем?

Майор отпустил плечи девочки и отступил на шаг назад.

— Нельзя, — повторила она и вскинула на майора глаза… какие-то пустые, будто безжизненные, — помоги нам… пожалуйста… — добавила она совсем тихо и стала какой-то серой.

— Дэни! — неожиданно услышал Земцов голос Садхира.

Майор обернулся.

— Я здесь! — крикнул он в ответ. — Стой там и не прекращай звать меня! Сейчас мы к тебе выйдем!

Он обрадовался.

— Вот видишь, Абби… — майор повернулся к девочке и осекся.

Перед ним никого не было. Он потер глаза и быстро обошел вокруг дерева, вертя головой по сторонам.

«Что за…?!»

— Абби! — заорал он что есть мочи.

Но ответом ему была тишина.

Он позвал девочку еще несколько раз. Но та так и не откликнулась.

Земцов стоял в остолбенении, понимая, что сходит с ума.

Тем временем на поляну вывалился Садхир в сопровождении четырех полицейских, одетых в форменные ярко-желтые куртки. Следом за ними чуть погодя, пыхтя, точно паровоз, появился и Маклафлин в сопровождении нескольких офицеров.

— Слава Богу, Дэни, ты живой! — выдохнул Садхир. — Мы уже с ног сбились!

Земцов не слушал его.

— Девочка! Садхир, здесь была девочка! Нужно найти ее! — с жаром воскликнул майор.

Садхир недоверчиво посмотрел на приятеля.

— Какая еще девочка? Дэни, ты бредишь?!

— Уверяю, детей тут быть не может, — вклинился Маклафлин.

Земцов не обращал внимания.

— Маленькая… лет девять — десять… в школьной форме… волосы каштановые… примерно такого роста, — он прочертил ладонью в воздухе.

Все смотрели на него в замешательстве.

Видя, что ему не сильно верят, Земцов продолжил уже менее уверенно.

— Сказала, что ее зовут Абби…

Майор счел за благо умолкнуть, чтобы его не сочли за сумасшедшего. Он тряхнул руками, нахмурился, а после обратился к Садхиру.

— Ты сказал, что вы с ног сбились, пока искали меня.

— Ну да, — кивнул Садхир.

—Так ведь меня не было минут двадцать-тридцать…

Инспектор и Маклафлин удивленно переглянулись.

— Дэни, ты пропал на несколько часов! Скоро уже вечер. Ты все не выходил, и как только приехала подмога из города, мы сразу же кинулись тебя искать.

Земцов огляделся. Он сразу и не заметил, но уже действительно вечерело.

— Пойдемте-ка, джентльмены, — призвал всех Маклафлин, — нужно выбираться отсюда, пока не стемнело.

С этими словами он первым развернулся и зашагал обратно. За ним потянулись и все остальные. Последним поляну покинул Земцов. Он в последний раз посмотрел на поляну с поваленным деревом и покачал головой.

***

— А что со следами? — спросил Земцов, поравнявшись с Садхиром.

— Порядок! Я оставил двух офицеров, чтобы они зафиксировали все и взяли образцы для анализа.

Тут уже вмешался Маклафлин.

—Вообще-то не совсем так, инспектор, — он виновато опустил глаза, — я велел им отправляться в город и привезти еще людей, если вдруг для поиска майора понадобится больше народу.

Садхир одурело посмотрел на суперинтенданта.

— То есть… вы хотите сказать, что все это время следами никто не занимался? И вы никого не догадались оставить на дороге?

Маклафлин помотал головой.

— Ну, они, наверное, быстро вернулись и, конечно, со всем уже разобрались…

Земцов скрежетнул зубами, а Садхир негромко выругался и не сдержавшись выпалил:

— Мне кажется, господин старший констебль, что вы прилагаете все усилия, чтобы похоронить наше дело.

Маклафлин сдвинул брови.

— Не забывайте, господин инспектор, что я старше вас по званию.

— Да, но следствие веду я, — прошипел Садхир.

— А что с кинологом? — вмешался Земцов.

— Я звонил. Обещали прислать завтра, — глухо отозвался Маклафлин.

На дорогу они выбрались, когда уже почти стемнело.

У обочины помимо джипа суперинтенданта было припарковано два полицейских микроавтобуса в желто-синюю шашечку, у которых переминались с ноги на ногу пятеро офицеров: двое мужчин и три девушки.

— Ну, что с кровью? — первым делом взобравшись на дорогу, кинулся к ним Земцов.

Те лишь переглянулись.

— С какой кровью, сэр? — будничным тоном осведомился один из них — веснушчатый парень лет двадцати, на голове которого полицейский шлем смотрелся как горшок на жерде плетня.

Земцов тупо посмотрел на офицеров, переводя взгляд с одного на другого, а затем выхватил у одного из них фонарь и быстро зашагал к тому месту, где еще сегодня днем они обнаружили кровь.

Садхир едва поспевал за ним.

Сколько ни шарили они фонариком по асфальту, сколько ни ходили взад-вперед, даже ползали на четвереньках — кровь словно испарилась.

Пока Садхир, точно горный лев, напрыгивал на Маклафлина и перепуганных полисменов, угрожая тем служебным расследованием, Земцов пытался сохранить хладнокровие, присел на корточки и принюхался, уловив почти выветрившийся запах глицерина — идеального средства, чтобы избавиться от следов крови.

«Теперь, если учитывать прошедшие здесь дожди ни одна собака не возьмет след…»

Он смотрел на землю и крутил в руках привычную сигарету.

Майор был уверен, что кто-то, воспользовавшись суматохой, уничтожил следы, которые могли стать реальной зацепкой, позволяющей привлечь к расследованию больше сил и в кратчайшие сроки найти и саму Сильви.

Без такого веского доказательства, даже связей и ресурсов графа ван ден Алена не хватило бы, чтобы привлечь к делу внимание британских властей.

Садхира как подозреваемого он даже не рассматривал, а значит круг имевших доступ к информации о следах на дороге сужался до Маклафлина и его людей, да еще и тех, кому Маклафлин мог растрепать про «находку».

Но несмотря на это Земцов был, как ни странно, доволен.

Все произошедшее сегодня, за исключением, возможно, таинственной девочки в лесу, укладывалось в стандартный шаблон преступления, в который как по учебнику вписывались и вполне реальные следы, и поведение преступника, испуганного настолько, что он рискнул уничтожить улику под носом у копов.

«Дело Теней» уже не представлялось чем-то сверхъестественным, и если есть преступник, то он совсем рядом. Еще небольшое усилие, и они до него доберутся!

Не давало Земцову покоя лишь то, что Сильви, скорее всего, находилась где-то рядом. Одна. Напуганная и раненная. Поэтому он настоял на том, чтобы с рассветом поиски были продолжены всеми имеющимися силами.

Своими соображениями о деле он и поделился с Садхиром, когда после тяжелого дня они сидели в переполненном зале «Тисовой аллеи».

Излагая свои мысли, Земцов старательно обходил стороной эпизоды, связанные с Абби, потому как разумного объяснения этому явлению подобрать не мог.

Инспектор слушал его соображения, не отрываясь от тарелки с рагу, периодически кивая в ответ на ту или иную реплику майора.

— И, что ты думаешь обо всем этом? — пробубнил Садхир, когда Земцов завершил свой монолог.

— Я думаю, что мы с тобой копаем в правильном направлении, — тут же ответил он, — а пока что, полагаю, нам стоит поменьше откровенничать с суперинтендантом. Сдается мне, у него рыльце в пуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.